

АЛЕКСЕЙ ФОМИЧЕВ

ИСТИННА
КАК НАГРАДА

Литрес

Отражения

Алексей Фомичев

Истина как награда

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фомичев А. С.

Истина как награда / А. С. Фомичев — «Автор»,
2016 — (Отражения)

ISBN 978-5-17-083491-4

Враг должен быть уничтожен! Где бы он ни находился, как бы он ни прятался! Только когда времени в запасе нет, поиск превращается в бешеную гонку на краю бездны. И совсем плохо, когда гонка проходит посреди войны. Поисковые группы Комитета идут по следу «ковбоев», встречая на пути то друзей, то врагов. К сожалению, врагов всегда больше. Зато друзья настоящие. Однако ни враги, ни война, ничто другое не может отменить главную задачу – отыскать «ковбоев» и взять их живьем. Права на ошибку нет, второго шанса не будет. Значит, медлить нельзя!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-083491-4

© Фомичев А. С., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Часть 1	6
Комитет	6
База	10
База	15
База и не только	21
База	26
Империя	31
Михаил Кулагин	41
Михаил Кулагин	49
Бердин	52
Часть 2	59
Михаил Кулагин	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алексей Сергеевич Фомичев

Истина как награда

© Фомичев А.С., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Часть 1

Сейчас прольется чья-то кровь...

Комитет Как это понять?

Виктория Камарина – до недавнего времени секретарь, а теперь начальник секретариата и личный помощник директора Комитета – с недовольным видом следила за действиями новой сотрудницы Юлии, которая немного неловко управлялась с кофейным аппаратом. Раньше, видимо, кофе не готовила и тем более не подавала. Действие хоть и простое, но требует некоторого навыка. Главное – не пролить кофе на стол, бумаги и брюки гостей.

Сама Вика умела это делать виртуозно, хотя ее начальник и его друзья кофе почти не пили, да и чай тоже. Разве что гости.

Впрочем, умение готовить и подавать кофе – далеко не самое важное в работе секретаря. Куда важнее быстро печатать, обрабатывать поступающие документы, отправлять файлы, связываться с нужными людьми и всегда точно и безошибочно отвечать на вопросы директора. А спросить он мог что угодно: от времени начала тренировки и наличия билетов на самолет до прогноза погоды на Карибах, местонахождения кого-то из сотрудников и поступления новостей из отделов.

Раньше Вика легко справлялась со своими обязанностями одна, но после того как штаты Комитета резко расширили, объем документации и количество задач возросли раза в три. Тогда директор и решил создать секретариат, взять еще двух сотрудников – точнее сотрудниц, а старшей над ними поставить Вику. Для подчиненных – Викторию Альбертовну.

Сотрудниц подбирал лично Кумашев, правда, не без помощи директора. Критериев было несколько, но, как недовольно думала Вика, основными являлись милая мордашка, стройные ноги, размер бюста и не слишком высокий интеллект. Хотя... это Вика с досады.

На самом деле интеллект у девушек был в порядке. Впрочем, как и внешность. Просто не каждая женщина способна спокойно переносить присутствие других женщин на несколько лет моложе, с прекрасными внешними данными и к тому же незамужних.

В действительности учить их пришлось только работе с кофеваркой и офисным комбайном – стандартной комбинацией принтера, сканера, ксеркса и факса. В компьютерах девушки разбирались хорошо и знали основные программы.

Звали новеньких Юля и Настя. Одна блондинка, вторая брюнетка, рост одинаковый – сто семьдесят пять, фигуры танцовщиц и яркая внешность.

Начальники выбирали сотрудниц, как ехидно думала Вика, по своим вкусам. И на образование не смотрели, дойдя только до пункта с размером груди. Это вряд ли была справедливая мысль, но Вика ничего не могла с собой поделать.

Новые сотрудницы Вику слушали, приказы исполняли со старанием и, похоже, слегка побаивались строгую начальницу. Хотя директор, когда назначал Вику руководителем секретариата, специально предупредил, чтобы она на девушек не давила, мол, пусть привыкнут. Но Вика действовала по-своему. Хотя слова шефа помнила.

Злило ее одно – уж слишком влажнели глазки этой брюнетки Юлечки, когда мимо их кабинета проходил директор. Пару раз она вроде как случайно демонстрировала тому свои прелести, стоя у двери или выходя из-за стола. Директор бросал короткий взгляд в ее сторону, оценивал вид стройных ножек и проходил дальше. Но Вике и этого хватало. А намекнуть юной сотруднице, чтобы она не пялила глаза на шефа, Вика не могла. Сама когда-то поступала так

же. Да и сейчас готова была не то что мини – микро-юбку надеть, лишь бы шеф оценил по достоинству.

Однако тому все некогда, все бегом. Только Кумашев довольно кивает и щурит глаза, когда проходит мимо. Но так же он смотрит и на Юлю с Настей, да еще и подмигивает им.

Нет, все же трудно быть помощником директора, даже когда уже не очень в него влюблена! И даже когда он появляется в своем кабинете всего пару раз за день. Зато работы теперь гораздо больше, и не посидишь, не помечтаешь о молодом начальнике, глядя на экран компьютера. Да и при девчонках нельзя – несолидно.

В Комитет директор приехал, как всегда, внезапно. Кивнул девушкам, скользнул взглядом по их стройным фигуркам и скрылся за дверью кабинета. А потом вдруг вышел и оценивающе уставился на Вику. Та от неожиданности едва не уронила телефон.

– Зайди-ка, свет-Виктория, – сказал он каким-то странно звенящим голосом и мотнул головой.

Вика положила телефон на стол, посмотрела строго на замерших девчонок и слегка осевшим голосом произнесла:

– Будьте на связи, если что...

А потом вышла из приемной, чувствуя на себе внимательный взгляд Юлечки.

Директор, вопреки обыкновению, сел не в свое огромное кресло за столом, а на диван, тихонько скрипнувший под его немалым весом. Вике он указал на второе кресло, стоящее возле низкого столика из толстого зеленоватого стекла, на котором лежали военные журналы.

Вика села, свела колени и положила на них руки. Впервые она вдруг почувствовала, что ее юбка чересчур короткая и слишком уж смело открывает загорелые ноги. Странно, раньше она считала, что это нормально. А сейчас вот стало неловко.

Директор словно не заметил смущения своей помощницы и смотрел не на ноги (к некоторой ее досаде), а ей в глаза. Требовательно так смотрел, пристально.

– Как работа идет, Виктория Альбертовна? – спросил он серьезно.

– Нормально, Денис Эдуардович, – отозвалась Вика, – вроде успеваем, справляемся.

– А девочки как? Пообвыклись?

– Ну-у... да. Обязанности знают, ошибок не допускают. Правда, немного медлительные, но это на первых порах.

Вика поймала себя на мысли, что начинает защищать девчат, хотя вроде бы незачем, те и впрямь работали без огрехов. Что это? Правило руководителя не давать подчиненных в обиду или просто инстинкт наставницы? Странно, раньше она за собой такого не замечала.

Директор чуть улыбнулся и все-таки скользнул взглядом по ее ногам. Ну да, мужчины не могут удержаться! Рефлекс, природа. И это хорошо. Жаль только, что дальше взглядов директор никогда не шел.

– Как считаешь, они без тебя справятся? – вдруг спросил он, перестав улыбаться и греть взглядом ее колени.

– Не знаю... – растерялась Вика, – должны... А почему без меня?

В голове невесть с чего мелькнула мысль, что Навруцкий хочет ее уволить. Почему – она не подумала, просто испугалась.

– Денис Эдуардович, я... должна уйти? – Голос невольно дрогнул, Вика поспешно кашлянула, ощутив сухость во рту.

– Что? – удивился Навруцкий. – Нет, милая моя Виктория, я тебя не отпущу! Куда же я без тебя...

Он вновь улыбнулся, выложил перед собой руки. Вика в который раз подумала, какие же они большие. Мускулы буквально растягивали легкую рубашку с короткими рукавами, а

перевитые жилами предплечья выглядели как настоящие бревна. Во всем Комитете более внушительную комплекцию имел разве что инструктор Леонид Брагин, да и то ненамного.

– Помощь твоя нужна, Вика, – серьезно проговорил директор. – Очень нужна.

– Кому?

– Одной замечательной девушке. Очень хорошей...

Вика удивленно смотрела на начальника, пытаясь понять, что это за девушка и почему Навруцкий называет ее замечательной? Может, это его пассия? Но зачем ей помощь Вики?

– Ей надо помочь адаптироваться к нашим... условиям. Поддержать, подсказать. Чисто по-женски, по-дружески.

– Кто она? – спросила Вика.

– Она магик. С Асалентае.

– Но...

– Тебе надо будет перейти на базу и какое-то время пожить там рядом с ней. Наши спецы пытаются наладить контакт с магами...

Кто такие магики, Вика знала. И ситуацию на Асалентае тоже знала, ведь документы по тому миру проходили через нее. Она даже смотрела видеофайлы, присылаемые с базы, и более или менее владела обстановкой.

– А зачем там я? – спросила она. – Ведь есть медики, психологи?

– Есть. Но тут особый случай. Эту девушку надо не просто поддержать, но и помочь ей освоиться с нами, с нашим миром. Чтобы она привыкла. Тем более, это не просто магик и не просто девушка, а... ну скажем так, возлюбленная одного человека. – Навруцкий дернул уголком губ, усмехнулся и покачал головой. – И видимо, будущая жена.

Вика посмотрела на директора. Уж не его ли это жена? Аборигенка того мира? Она почувствовала легкий укол ревности и постаралась прогнать эту мысль.

– Чья же жена? – дрогнувшим голосом спросила она.

Навруцкий весело глянул на нее и фыркнул.

– Нашего комитетского Казановы. Макса.

– Таньша? – не поверила своим ушам Вика.

– Угу. Мы все в шоке, но факт, как говорится, упрямая вещь.

– Но она магик? И оттуда... как же... я ничего не понимаю!

Директор кивнул:

– Елисеев введет тебя в курс дела. Пойми, тут надо очень осторожно подойти. И на первых порах успокоить. Если бы не Макс, мы бы и сами справились. Но тут особый случай. Она теперь не чужая.

– А я?..

– Тебе легче будет найти с ней общий язык. Как женщине с женщиной. Станешь опекуном и наставником. А остальное тебе Женя объяснит. Ну как?

Вика пожала плечами. Предложение было настолько неожиданным, что она растерялась. Макс влюбился! Его девушка – магик! И переход на Асалентае! Все сразу скопом. И отвечать надо сейчас, Навруцкий ждет.

– Хорошо. Но я...

Директор улыбнулся:

– Дня на сборы хватит? Условия там нормальные, целый городок, все удобства, отличная природа. И вокруг свои.

– Да, я быстро соберусь, – ответила Вика. – А как же здесь?

– Ну, девочки без тебя справятся? Тем более, ты сможешь контролировать их оттуда.

Вика чуть нахмурилась. Справятся? Вообще-то должны. Не дуры же они, в конце концов.

– Разъясни им, что да как, оставь, если надо, инструкции.

– Хорошо.

Навруцкий довольно прихлопнул ладонью по колену.

– Ну и отлично! Сейчас езжай домой, собирайся. А утром переход. Я сам тебя переправлю и на месте все расскажу. Угу?

Вика посмотрела на довольное лицо директора и несмело улынулась:

– Да.

Ночь и утро прошли в сборах. Вернее, в бесконечном перебирании гардероба, состоящего из двух шкафов и стенной вставки с обувью. Вика раз пять собирала и опустошала баулы, перемерила почти все, что висело в шкафах, и остановилась, только когда пошла по третьему кругу. В голове царил сумятица из догадок, прикидок, страхов, надежд и прочей ерунды, которых просто не может не быть у молодой женщины. Да еще одинокой. Да еще недовольной. Да еще...

Заснула она под утро, вскочила по звонку будильника и стала лихорадочно собираться, успевая одновременно сготовить легкий завтрак, одеться, нанести боевую раскраску – как насмешливо называли макияж грубые мужланы на работе – и окончательно привыкнуть к новому статусу. Вернее, к тому, что будет новый статус. Вика ожидала чего-то необычного и волнующего. Все-таки первый переход, новый мир и все такое.

На поверку вышло весьма прозаично. Кроме Вики и Навруцкого, в другой мир переходили десятка спецов во главе с Кумашевым и группа стажеров.

В суете и спешке никто на Вику даже не смотрел, хотя выглядела она просто отменно в брючном костюме, который подчеркивал каждый изгиб ее стройного тела. И директор только кивнул.

Вика досадливо прикусила губу и больше не смотрела по сторонам, с нетерпением ожидая встречи с неведомым новым. И предвкушая хоть какое-то приключение. Ну хоть что-то иное после постоянного сидения в офисе. Хоть чуть-чуть...

База

Новые заботы, новые проблемы

Надежды на неведомое растаяли с первых же секунд. Как и мечты о каком-никаком приключении. Все здесь было простым, обыденным и привычным до примитива.

Современные строения, широкие дороги, выложенные по последнему слову техники из рулонов гранитно-пластиковой массы, способные выдерживать даже гусеничную технику. Снега нет, весь счистили и вывезли. По улицам снуют юркие электрокары и машины на аккумуляторах, способные разогнаться до двух сотен км/ч в час. Тяжелые транспортеры – тоже на электротяге – важно катят по специально выделенным полосам в обход жилого массива. У редких прохожих вид обычный, словно они идут по улицам Москвы или Сочи, а не по дорогам чужого мира. Впрочем, прохожих мало, все заняты делом, праздных гуляк нет в принципе. Хотя новогодние праздники в самом разгаре.

Вику с ее багажом погрузили в машину и повезли к жилому корпусу на окраине городка. Навруцкий по дороге успел рассказать, что в домах все сделано на уровне: электричество, водопровод, удобства. Никаких проблем бытового характера и никаких забот о пропитании. Достают все, что хочется, и даже больше. Равно как и нет забот об уборке дома, стирке и прочих мелочах, которые могут отвлекать от дела.

Вика слушала шефа вполуха, вертя головой и кивая невпопад. Взгляд никак не мог зацепиться за что-то, скользил по домам, машинам, высаженным в строгом порядке кустарникам. Ау, неведомое! Ты хоть есть тут?..

– Вика! – ворвался в уши рык Навруцкого.

– А...

– Очнись! – шеф насмешливо щурил глаза. – Приехали.

Вика бросила взгляд на шефа, потом заметила двухэтажное здание с плоской крышей, усеянной антеннами и какими-то коробками.

– Твое новое место работы.

Вика вздохнула, поправила волосы.

– Она... эта магия здесь живет?

– Здесь штаб базы, вотчина Елисеева. Он тут главный. Пошли познакомимся.

Вика недовольно вздохнула. Знакомиться с главным ей не хотелось. Хотелось назад, в свой уютный офис, за стол, в привычное место. Но не нить же с первых минут да еще в присутствии Навруцкого.

Вика бодро вылезла из машины, поправила одежду и постаралась придать себе уверенный вид.

– Ну пошли.

Навруцкий усмехнулся, галантно подхватил Вику под локоть, отчего та вздрогнула, и повел ее к двойным дверям, исчезнувшим в нишах при приближении гостей.

Елисеева они застали в его кабинете. Тот сидел на краю стола, одновременно успевая пить чай из гигантской кружки, больше похожей на банку, листать какие-то бумаги и говорить по коммуникатору. Была включена громкая связь, и голос абонента буквально выстреливал из динамика.

– ...У нас еще не готово оборудование! Только вчера доставили, а за день мы не можем все установить!

– Но я-то чем могу помочь? – Евгений шумно хлебнул из кружки.

– Уберите отсюда ваших аборигенов! Какого рожна они слоняются по территории? Лезут в цеха, охают и смотрят, как бараны на ворота! Того и гляди, кого-нибудь задавят!

– Дмитрий... э-э... Матвеевич. – Евгений поставил кружку на стол и склонился над коммуникатором, словно желая рассмотреть на нем что-то особенное. – Эти аборигены не мои, а наши! К тому же их вам придется обучать работать в мастерских!

– Как обучать? – взвился голос собеседника. – Чему? Они таблицу умножения хоть видели? И потом, я не преподаватель, а инженер!

– Давайте без споров! – неожиданно жестко сказал Евгений. – У вас есть задачи? Вот и выполняйте! С местными я разберусь, мешать не будут! Но учить все равно придется! К станкам их никто ставить не планирует... пока.

– И на том спасибо! – саркастически ответил динамик. – У меня все!

– Успеха, Дмитрий Матвеевич.

Елисеев отключил связь, обернулся на шум шагов и прищурил глаза.

– Ну здорово, большой босс! – пошутил Навруцкий, входя в кабинет. – Распекаешь с утра?

Елисеев махнул рукой и слез со стола.

– Чо смешного? Давно же просил, сними ты с меня базу! Ладно, наши дела, но производство и добыча – куда?

– Ладно, ладно, не шуми! Снял уже! Завтра прибудет новый начальник хозяйства, примет дела. На тебе останутся только комитетские заботы и хординги. Доволен?

Елисеев пожал плечами и с интересом взглянул на вошедшую Вику. Навруцкий обернулся к ней, кивнул.

– А это новая сотрудница. Между прочим, мой личный резерв! Прибыла в качестве усиления.

Вика покосилась на шефа, так необычно представившего ее, и перевела взгляд на Елисеева. Увиденное ее не обрадовало. Вика представляла себе начальника базы иначе. Рослым, мускулистым, сильным. Как поисковики и оперативники. А перед ней стоял среднего роста крепыш, явно не любивший спорт. И пузо вон выпирает – правда, небольшое пока. И мышц могучих не видно. А глаза шалые, взгляд буквально облизал Вику. И на губах улыбочка. Явно ходок налево. Ишь, как порозовел! И это новый начальник?

– Виктория свет Альбертовна! Самый ценный кадр Комитета! – продолжил Навруцкий. – Трудлюбива, умна, наблюдательна!

Вика смутилась от таких слов. Чего это ее расхваливают, как девку на выданье?

– И наконец, просто красавица! Буквально от сердца отрываю! Цени!

Елисеев чуть склонил голову.

– Очень приятно!

– А это, – Навруцкий посмотрел на Елисеева, – Евгений Александрович Елисеев! Всемогущий начальник базы, можно сказать, локомотив всего нашего дела здесь. Зарылся по уши в работу, не продохнуть! Тащит воз и не жалуется гм... почти. Прошу любить и жаловать.

Вика одарила Елисеева не самым радостным взглядом.

– Теперь будете работать вместе! – закончил представление директор и взглянул на часы.

Вика встрепенулась и удивленно посмотрела на Навруцкого.

– Как это вместе? Вы же сказали, надо какой-то... ну... магию помочь! А...

– Ну да. Помочь, наладить контакт, рассказать. Но делами с аборигенами заведует Евгений Александрович. Он даст указания, подскажет, что и как. И потом, Вик, ты же не откажешься помочь? А?

«Сплавил! – вынесла вердикт Вика, глядя на шефа. – Сбагрил с глаз. Видать, на кого-то из девчонок запал, вот и решил освободить офис. Кто же ему так глазки соорил? Юлька или Настя?»

От обиды Вика не нашлась что сказать, смотрела на Навруцкого, давя в себе желание развернуться и уйти. Послав хитрого начальника куда подальше.

Навруцкий принял ее молчание за согласие, довольно кивнул.

– Ну вот и хорошо. Думаю, сработаетесь. А мне пора. Вечером увидимся. Женя!

Елисеев кивнул в ответ, махнул Навруцкому рукой и посмотрел на Вику:

– Ну что, будем знакомиться?

В его взгляде читалось восхищение красотой девушки и желание начать знакомство немедленно. Вика проводила шефа недовольным взглядом, поджала губы, прошла к стене и села на стул. Сложила руки на коленях и сурово посмотрела на Елисеева. Тот немного смешался, кашлянул.

– Может, чаю?..

В другом конце поселка, в небольшом панельном строении, окруженном кустарниками, Навруцкий встретился с Виктором Логуновым, прибывшим на Асалентае всего неделю назад из Москвы. Логунов только-только перестал смотреть по сторонам с выражением безмерного изумления и более или менее вошел в курс дел. А дел этих было полно. Виктора назначили руководителем промышленного сектора, то есть главным по всем работам, включая геолого-разведку, создание и запуск конвейера добычи, переработки и отправки на Землю того, что здесь, собственно, и добудут.

Логунов неделю разгребал бумажные (точнее, компьютерные) завалы, проводил совещания, выслушивал экспертов и спецов, а потом составлял график работ и перечень требуемого оборудования.

Навруцкий застал Логунова в его офисе – небольшой комнате, по-спартански обставленной, зато заваленной техникой. Выглядел главный промышленник устало, но держался бодро.

– Самые передовые технологии! Мировые стандарты, даже выше! Никакого вреда природе, никаких выбросов, отходов, отвалов. Экология в безопасности! – вещал Виктор. – Закрытая добыча, безотходное производство, суперфльтрация, постоянная очистка! Полный контроль!

Навруцкий мало что понимал в добыче ископаемых и тем более в их транспортировке. Но, памятуя реалии России, был полон скептицизма. Логунов это чувствовал и продолжал витийствовать.

– Полный цикл переработки! Сырье не погоним, будем конечный продукт выпускать здесь. Это и выгоднее стократно, и никаких следов там. Дабы ни у кого не возникло вопросов – откуда столько всего!

– Спросят, откуда... продукт! – хмыкнул Навруцкий.

– А вот это – шиш! – усмехнулся Логунов. – Три четверти продукта идет на оборонные нужды! И на космос. Включая уран, плутоний и прочий палладий. Нефть вообще на глубокую переработку. То, что пойдет домой... словом, все шито-крыто.

– А система переброса на Землю?

– Отработана с вашими спецами. Рассказать?

Навруцкий покачал головой. Еще мозги засорять всякой галиматей.

– Ладно, – вздохнул он. – Раз все расписано и спланировано. Техника, люди?

– В норме. Что-то будем получать по ходу дела. – Логунов изогнул бровь и озабоченно посмотрел на Навруцкого: – Меня вот организационный вопрос волнует. Как местные? Не помешают?

– А это, Виктор Палыч, не ваша забота. Работайте спокойно! Будут вопросы – знаете, кого спрашивать. В остальном – считайте, что работаете дома.

– Угу, угу... – покивал Логунов. – Ну раз так...

– Да, еще. – Навруцкий сделал паузу, выбирая выражения помягче. – По поводу работы и персонала.

Логунов изобразил внимание.

– Среди ваших людей будут и мои. Наблюдать со стороны, не вмешиваясь в дело.

– Зачем? – не понял Логун.

– Затем, что таковы правила безопасности. Внутренней.

Логунов нахмурился:

– Это шпионы всякие, да?

– В том числе, – усмехнулся Навруцкий. – Промышленную разведку, равно как и шпионаж, еще никто не отменял. Особенно теперь. Мы всех допущенных сюда проверяем, как и госбезопасность, но контроль – он и на Асалентеае контроль.

Логунов развел руками:

– Ну раз надо.

– Вот и хорошо. Успехов вам, Виктор Павлович.

– Кхм... И вам.

Следующий разговор произошел в отделе безопасности. Его шеф, Никита Костунов, приглашенный в Комитет Кумашевым, был назначен начальником охраны промышленного сектора. Раньше Костунов работал в охранной фирме «Молния», которая тесно сотрудничала с Комитетом. Молодой еще, только разменявший четвертый десяток Никита свое дело знал, и беспокойства у Навруцкого не вызывал. Однако еще раз проверить ход работ было не лишним.

– Охрана большей частью скрытая. Максимум техники, минимум людей. На глаза не лезем, но все держим под контролем.

Костунов демонстрировал на мониторе план охраняемых периметров, давая по ходу пояснения.

– С хордингами вопросы решены, тут вообще никаких проблем. В море тоже все ясно. На островах... Сумаасна... – Никита прочитал название по карте. – Там сделали аккуратно. Местные, конечно, могут наткнуться на нас. Но решать будем миром. Во всяком случае, никаких проблем тоже нет. Ножи-бусы-стекляшки. Натуральный обмен, мир-дружба.

Навруцкий покачал головой. «Мир-дружба» – это уж слишком. До столкновений не дойдет, и то добро.

– А вот добыча на других континентах – это вопрос иной. Придется обеспечивать по всей форме.

– Минимум контактов с аборигенами, – напомнил Навруцкий. – И если это невозможно, лучше свернуть работы.

Костунов покосился на директора:

– А Логунов возражать не станет?

– Не станет. Это уже мое дело. – Денис бросил взгляд на экран, потом спросил: – План действий в экстремальных ситуациях составлен?

– Все варианты вплоть до прямой атаки, – кивнул Костунов. – Отработаны поэлементно. До Логунова в общем смысле доведены, возражений с его стороны нет.

– Хорошо. Перешлешь мне с докладом. – Денис отвернулся от монитора и посмотрел на Никиту. – Смотри. Больших проблем мы не ждем. Ни от местных, ни от... «ковбоев». Но может выйти так, что удар последует с другой стороны...

Никита прищурился, мимикой изобразил вопрос.

– Скажем так, могут нагрять еще гости. Есть такое мнение, что до нас тут побывали всякие... иные путешественники.

Лицо Костунова вытянулось.

– Что значит иные?

– То и значит. Не одни мы такие ловкие. И эти парни – крутые перцы. – Видя, что прагматичный парень Никита поставлен в тупик, Денис махнул рукой: – Ладно, не забивай голову. Что узнаем, скажем. С Кумашевым контакт держи и с Елисеевым тоже.

– Само собой.

Навруцкий пожал Костунову руку, двинул к двери, но на полпути обернулся:

– Может так сложиться, что мы пригоним сюда тяжелую технику. Вроде ЗРК и прочих... штук. Ты же в армии в ракетных войсках служил?

– Д-да.

– Вот и прикинь варианты для размещения батареи. Пока здесь, на полуострове.

Никита развел руками: мол, не ослышался ли?

– Вот так, – сказал Денис и вышел за дверь. Обрадовал, называется, человека.

Вторжение на Асалентае началось. Масштабное, полноценное. С разведкой земель, с освоением ресурсов, с созданием промышленных зон, жилых городков и полной инфраструктуры обеспечения. Может, только школ и детских садов не строили, но это пока. И то из-за режима секретности, а не из желания изолировать персонал от семей.

Десятки тонн грузов, сотни специалистов переправлялись на Асалентае через новые системы пропуска. Шли целые караваны с техникой, оборудованием, строительным материалом. Вместе с этим потоком шло оружие для охраны. От пистолетов и автоматов до беспилотных аппаратов, оснащенных скорострельными пушками и ракетами.

Все это тяжким грузом ложилось на Комитет и на мощные плечи директора, в частности. Часть груза он делегировал своим замам, помощникам, начальникам служб и управлений. Но ответственность делегировать не мог. Ни за бесперебойную работу, ни тем более за жизни людей.

А еще был Комитет – новые штаты, новые сотрудники, новые полномочия. А также новые здания, полигоны, гаражи, арсеналы.

Однако главное – это не промышленные зоны и их охрана, не инженеры и рабочие и даже не секретность всего предприятия. Главное – все те же чертовы «ковбой» и то, что с ними связано. Поэтому, тратя часы на встречи и беседы, на составление планов и графиков, на чтение заявок и рапортов, Навруцкий ни на миг не забывал как о тех, кто шел с армией хордингов, так и о тех, кто находился в тылу врага.

А еще он всегда помнил о тех, кто мог вдруг возникнуть в этом мире и разом похерить все, что было сделано за это время. И эти «помнить» и «держат на виду» выматывали похлеще любых тренировок. Которые тоже никто не позволял пропускать.

Большая игра только-только начиналась.

Ну почему все это рухнуло на него? За какие, мать вашу, грехи?..

База

Доверие надо заслужить

Второй раз Денис навестил Елисеева вечером. До этого он успел совершить переход домой, переговорить с Москвой, проверить дела в Комитете и прыгнуть обратно. Жутко хотелось есть, и Денис решил поужинать вместе с Женькой и Викой, а заодно посмотреть, как у тех с контактом. Судя по недовольно поджатым губам и откровенно холодному взгляду Вики, Елисеев, мягко говоря, на душу ей не лег.

Нашел он их в офисе. Вика и Женька пятились на экран большого монитора, висящего на стене.

– ...Она в полном порядке. Гм... правда, еще в шоке от увиденного. Макс ей накоротке все рассказал, но она, похоже, не поверила. Или не поняла.

Навруцкий вошел в кабинет, кашлянул. Вика обернулась, с укоризной глянула на шефа. В ее взгляде читалось: «Бросил меня, начальничек. Вышвырнул подальше. А я тебе верила...»

Денис взгляд выдержал, скромно улыбнулся и подмигнул недовольной помощнице.

– Мы тоже беседу провели. Даже экскурсию устроили, – продолжал Женья. – Видно, зря. Девчонка замкнулась, на контакт не идет. То у Каута в реанимации сидит, то по комнате ходит. Тупик.

– Ужином накормите? – спросил Денис. – А то всё некогда.

Женья глянул на часы.

– Легко.

Вика рассматривала Тинеру, хмуря брови. Потом спросила:

– А вы что, все время за ней следите?

– Нет, это запись второго дня. Когда она с экскурсии вернулась. Думали, колдовать начнет или что у них там... А что?

Вика смерила Женьку суровым взглядом:

– А то! Нельзя за человеком следить! Тем более, за женщиной! Вы бы еще в ванную камеру поставили!

Елисеев покосился на Навруцкого, пожал плечами.

– Здесь режимный объект, а не дом отдыха. И потом...

– Все равно нельзя! – отрезала Вика. Помолчала, глядя на стоящую перед зеркалом Тинеру, потом вдруг выдала: – На Монику Беллучи похожа.

– На кого? – не понял Женья.

– Моника Беллучи, – с насмешкой глянула на него Вика. – Актриса итальянская.

– Не знаю такую, – фыркнул Женька. – Я в кино-то был года два назад.

Денис сощурился, вспоминая. Вроде знакомое имя. Или нет? Сам-то он тоже давно в кино не ходил. Изредка по компу смотрел в записи.

– Что за фильмы-то?

Вика вдруг смутилась, дернула головой.

– Ну-у... «Братство волка» там... «Необратимость». Лет тридцать назад.

– У-у ё! – выдохнул Женька. – Ты бы еще столетние фильмы вспомнила. О чем хоть кинишка?

– Не важно, – отрезала Вика, чуточку порозовев. – О жизни.

Елисеев выключил запись, повернулся к Вике:

– В общем, надо подобрать к ней ключик. Поговорить, расспросить, рассказать. Наладить контакт.

– Это ясно. Только как? Я даже язык местный не знаю.

– С этим решим. Гипно-курс плюс тренинг. Дней за десять начнешь говорить. А пока надо просто познакомиться.

– Что за гипно-курс? Во сне что ли? – недоверчиво прищурилась Вика. – Это мне в голову полезут?

Женька промолчал. Денис, видя, что Вика готова взорваться, встал, положил руку ей на плечо. Та сразу обмякла, воинственный огонек в глазах потух.

– Вика, это серьезно. У нас большие планы на магиков. Надо помочь. На тебя вся надежда. Психологи-мужики тут не подойдут. А ты по-женски, мягко.

– Я поняла, – тихо откликнулась Вика.

– А курс под гипнозом – это легко. Нам-то сложнее пришлось, язык так учили, на бегу. Гипноз нас не берет.

Вика вздохнула, пожала плечами.

– Ну раз надо...

– Вот и хорошо. Евгений Александрович поможет.

Денис хлопнул по животу, умоляюще посмотрел на Женьку, потом на Вику.

– Братцы, пошли, поедим, а?! Терпежу нет.

Елисеев засмеялся, выключил компьютер и галантно предложил Вике локоть.

– Прошу, сударыня. Откушаем чем... Трапар послал.

Вика с вызовом глянула на Дениса и неожиданно сунула руку под локоть Елисеева.

– Пошли.

Женька довольно надулся и пошел в двери. Денис озадаченно вскинул бровь. Вот так. Еще одна работница ушла в чужие руки. Да какая!

Язык Вика начала изучать в тот же вечер. Елисеев дал словарь-переводчик, скинул на ее компьютер звуковые файлы и попросил до ночи выучить десяток общих слов.

– Сеанс гипно-урока перед сном, – заявил он. – Это недолго. А на ночь врубишь записи, и всё.

Вика одарила нового шефа недовольным взглядом, но возражать не стала. Надо, так надо.

– А там, – добавил Елисеев, кивая на планшет, – программа автоматического перевода.

На первое время.

– Это мне так с вашей чародейкой общаться?

– Да, пока так. И не «вашей», а нашей! Тут нет ничего «вашего». Только наше, – серьезно ответил Елисеев. – Привыкай. И не чародейкой, а магилом. Бакалавром. Угу?

Елисеев улыбнулся, склонил голову. Взгляд у него был добрый, какой-то уютный. Вика неожиданно для себя улыбнулась в ответ.

– Ладно уж, господин начальник Евгений Александрович.

– Тогда уж – шеф. Так короче. Или Женья. – Елисеев опять улыбнулся. – Так приятнее.

Вика хотела нахмуриться, но раздумала. Этот живчик почему-то не вызывал антипатии. И вообще был довольно милым. Странно, сперва она считала иначе.

– Спокойной ночи, Вика, – попрощался Елисеев. – Хороших снов.

Утром на базу прибыл Бердин. Невыспавшийся, голодный и раздраженный. И полный ожидания. Скорой драки.

Бердин должен был принять участие в срочном совещании по поводу последних планов, которые следовало немедленно разработать. Он прибыл, оставив за спиной войну и все, что с ней связано, – шедшие на полночь корпуса, короткие сшибки разведгрупп и эскадронов, сложности снабжения и обеспечения, вопросы размещения полков, полуоткрытый фланг и легионы империи. Все, что требовало его участия, вмешательства, контроля.

А ведь еще была первая за все время операции на Асалентае информация о «ковбоях» в этом мире. Их проявление, активность, причем в непосредственной близости от группы

Орешкина. И неминуемая теперь встреча. Которая могла привести как к успеху операции, так и к провалу. Назвать состояние Бердина нормальным хотя бы из приличия было бы по меньшей мере опрометчиво.

Это и понял Навруцкий, едва взглянув на Бердина. К счастью, именно с ним Василий и столкнулся при переходе. И директор, поняв по его виду что к чему, первым делом повел гостя в столовую. И не отпустил из-за стола, пока тот не опустошил две тарелки с борщом и жарким. Не задавая при этом никаких вопросов, вообще не глядя на него.

– У меня на лбу написано, что ли? – спросил наконец Бердин, довольно похлопав себя по животу.

– Не. Просто рожа перекошена, – откровенно ответил директор, совсем уж по-простецки ухмыльнувшись. – Зачем мне тираннозавр на совещании?

Бердин откровенность оценил, вздохнул, прислушиваясь к ощущениям, довольно кивнул.

– Тираннозавр сыт и почти спокоен.

– Для полного успокоения запереть бы тебя на полдня в комнате с красоткой, а потом еще часиков пять на сон. Вот тогда...

– Хочешь отправить меня домой? – усмехнулся Бердин.

– Хочу. Но... – Навруцкий развел руками и изобразил раскаяние.

В раскаяние Бердин не поверил. И ответил тем же.

– Тебе бы тоже сутки с красоткой не помешали. Подальше отсюда.

– Увы. Рад бы в рай...

– Ладно, сеанс терапии провел, вернемся к заботам. А то мне скоро обратно.

– Тогда пошли, – деловито откликнулся Навруцкий. – Все уже в сборе, нас ждут.

В кабинете Елисеева уже сидели сам хозяин, Кумашев и Вениамин Темников – главный врач местного медотделения. Елисеев рассказывал что-то смешное, Кумашев и Темников не очень-то весело улыбались.

– Начнем, – с ходу предложил Навруцкий, – дел у каждого полно, не будем тянуть.

Елисеев хотел уступить свое кресло директору, но тот махнул рукой и сел на ближайший стул, подвинув его к столу. Бердин уселся напротив.

– Значит так, – продолжил Навруцкий. – Первый вопрос. Некие умельцы, побывавшие здесь до нас. Неизвестно сколько времени назад. Факт их пребывания будем считать доказанным. А время...

– Приблизительно совпадает со временем бегства хордингов на полдень, – вставил Елисеев. – Плюс-минус сто лет. Скорее даже минус.

– Согласен, – кивнул Навруцкий.

– Видимо, одновременно появились и все эти эльфы, тролли. И магики.

– Что позволяет нам сделать вывод, – закончил мысль Елисеева Кумашев, – что визит пришлых умельцев и стал причиной появления магиков и эльфов и бегства хордингов.

– Но это в прошлом. Сейчас для нас важнее всего понять – могут ли эти умельцы вернуться и что в этом случае делать нам.

Директор обвел всех взглядом и остановил его на Бердине. Василий понял это как приглашение к ответу. Пожал плечами.

– Ну, если воевать с ними не собираемся, то... либо бежать, либо договариваться.

– Война исключена, – заявил Навруцкий. – Судя по всему, они настолько превосходят нас в технологиях, что сметут в момент. Насчет договариваться... будут ли они говорить? Или нас... тоже как эльфов. Никаких данных об их намерениях нет.

Денис помолчал, потер подбородок.

– С вариантом бегства... бросить все не можем, забыть о «ковбоях» тоже.

– Нужна информация. Данные, – сказал Кумашев. – Хоть какие.

– А где взять? – мгновенно среагировал Елисеев. – Хординги ничего, кроме старых легенд, не знают. Правда, легенды мы разгадали, но это все. Эльфы и тролли? Не думаю, что им известно намного больше.

– Во всяком случае, у них мы сможем узнать, – сказал Навруцкий. – Штурмин вошел в прямой контакт с эльфами. Думаю, он найдет способ получить сведения.

– Наиболее предпочтителен вариант с магиками, – вставил Бердин. – Это четкая структура со всеми атрибутами, внутренней системой, выстроенной методикой подготовки. Что автоматически подразумевает наличие архивных данных. Другой вопрос – как добраться до их архивов и вообще убедить нам помочь.

– Что возвращает к вопросу с нашими гостями. – Навруцкий посмотрел на Темникова. – Вениамин Русланович, вам слово.

Бердин тоже посмотрел на врача и некстати подумал, что внешне старший эскулап плохо соответствует привычным представлениям о докторях.

Богатырская фигура, рост два метра, бритая голова и пудовые кулаки. Громила из десантно-штурмовых частей или боец без правил, а не врач! Ему бы в группу Орешкина, нагонять страх на аборигенов. А тут на тебе – два высших образования, должность доцента и золотые руки почти в прямом смысле слова. Где его Навруцкий только откопал?

– Гости... – пробасил Темников. – Кхм... Каут лежит. Кома, похоже, рукотворная. Весьма хитро сделано. Он пытается лечить себя как бы изнутри. Хотя плохо выходит. Без нашей помощи мог загнуться. Мы не спешим выводить. Как бы опять не ушел, сообразив, где он. В остальном... состояние стабильное, раны заживают. Прямой угрозы жизни нет.

– Сколько он будет в коме? – спросил директор.

Темников пожал плечами:

– Неделю, две. А может, день. Это его решение. У магиков хороший иммунитет и явно искусственно привитый навык. Мы так не можем... пока. Пахнет высокими технологиями.

– Что лишний раз доказывает, кто автор этих технологий, – кивнул Навруцкий. – А девушка? Тинера?

– С ней проще. Жива, здорова. Сложность в другом – как установить контакт. Чтобы и информацию получить, и в кому не загнать. Судя по рассказам... э-э...

– Поисковиков, – подсказал Бердин.

– Да. Так вот, что магики, что эльфы – стоит им услышать речь хордингов или затронуть некую тему – либо замыкаются, либо теряют сознание, либо умирают. Это блокировка. Очень надежная, сильная. А вот врожденная или приобретенная – неизвестно.

– Сейчас это не важно, – вставил Елисеев. – Тинера – единственная надежда на контакт с факторумом. Она поможет установить связь с их руководством. Наладить диалог.

– Но для этого ее надо убедить, – вздохнул Кумашев. – А единственный, кто может это сделать, – Таныш. Но он далеко.

– У нас есть запасной вариант, – усмехнулся Навруцкий. – Этот вариант вчера прибыл и начал подготовку.

Бердин и Кумашев вопросительно посмотрели на директора. Тот подмигнул Елисееву:

– Где наша надежда?

– Здесь. Учит язык... осваивается.

– Я привез Вику, – пояснил Навруцкий.

Кумашев ахнул:

– Твоя ненаглядная помощница, надежда и опора Комитета? Как ты решился?

– Да вот так. Нет других вариантов. Не Макса же сюда вытаскивать. А Вика аккуратна, по-женски... Думаю, справится. Кстати, – директор повернулся к Елисееву, – можешь ее пригласить?

Елисеев нажал кнопку на коммуникаторе.

- Виктория Альбертовна, зайдите, пожалуйста.
- О как! – удивился Кумашев. – Альбертовна! Я и не знал...
- Привыкай. Она теперь не секретарь, а доверенное лицо.
- И фигура...
- Но-но! Без намеков! Вику мою прошу не оскорблять!

Кумашев ехидно усмехнулся, посмотрел на Бердина и Елисеева. У тех на губах играли такие же ухмылки. Комитетские сплетни давно связали холостую жизнь директора и непоколебимое упорство его секретарши. Кое-кто даже заключал пари – правда, непонятно на какой исход.

Темников, незнакомый с ситуацией, озадаченно смотрел на собеседников, морща выпуклый лоб и пожимая могучими плечами.

Вика вошла без стука, остановилась у двери, удивленно взирая на собрание.

– Здравсте.

Навруцкий встал, жестом предложил Вике сесть, а сам отошел к стене.

– Как на новом месте?

– Нормально. Привыкаю.

– Жилье устраивает? Все есть?

– Да, все хорошо, – несколько удивленно отвечала Вика.

– А как с языком?

– Только начала.

– Гипно-уроки помогают? – поинтересовался Темников.

– Это наш главный врач, – представил доктора Навруцкий.

– Вроде помогают, – не очень уверенно ответила Вика. – Был пока один.

– Видишь ли, какое дело, Вика, – начал директор. – Нам надо как можно скорее наладить контакт с магиками. Пока с Тинерой. Помочь ей освоиться и сделать так, чтобы она нам доверяла. Это крайне важно. От этого зависит и будущий контакт с... ее коллегами. Да и будущее Тинеры тоже зависит.

– Я это поняла.

– Тогда поймешь, что время нас поджимает.

– Но я не могу в один день... – чуть растерянно заявила Вика. – Она среди чужих, все незнакомое. Макса рядом нет. А тут я такая... – Вика недовольно покоилась на Навруцкого. – Это же не собачку приручить! Доверие заслужить надо!

– И мы о том же! – Директор подошел к Вике, положил руку ей на плечо. – Уверен, ты сможешь найти подход. У тебя талант заводить знакомства.

Вика порозовела, машинально поправила волосы. Стрельнула глазками на Елисеева. Тот довольно кивал, словно чему-то обрадовался.

– Будь открытой, искренней. Ее наверняка заинтересует наш мир, – вставил Кумашев. – Расскажи. И покажи.

– Спасибо, Всеволод Борисович! За ценное указание, – подпустила сарказма в голос Вика.

– Это не указание, – мягко поправил Навруцкий. – Это совет. Пойми, тут речь идет не о Тинере или Максе... хотя о них тоже. Речь идет о безопасности. Нашей, в том числе.

Вика внимательно посмотрела на директора, ища в его словах иронию, но взгляд Навруцкого был серьезен. И остальные смотрели так же серьезно. Даже Бердин, о котором в Комитете ходили легенды. Вот уж кто ёрничать не станет.

– Я поняла, – тихо ответила Вика. – Сделаю.

– И отлично! – улыбнулся Навруцкий. – Если что нужно уточнить, узнать – тебе все помогут. Ты сейчас тут персона номер один, Вик. На тебя работаем.

Вика смутилась, опустила голову. Похвала директора приятна и слова ласкают слух. Раньше бы так...

– Тебе бы вербовщиком работать, – заявил Кумашев, когда Вика вышла из кабинета. – Талант пропадает!

Навруцкий ухмыльнулся, сел за стол.

– Да я серьезно говорил. Справится девочка – будет шанс получить инфу. А информация нам нужна как воздух. Так что как ни крути, а на сегодня именно от Вики зависит, как все вывернет. Даже если умелые пришельцы сюда больше не сунутся, все равно сведения нам нужны. Нет?

– Верно, – отозвался Бердин. – Мы скоро дойдем и до аномальных мест, и до базы «ков-боев». Хотелось бы знать, что нас ждет. На войне точные сведения всегда на вес золота и по цене крови.

– Справится, – подал голос Елисеев. – Сразу видно, девчонка умная. – Он перехватил пристальный взгляд директора и уверенно повторил: – Все сделает. А мы поможем.

База и не только О нашем, о женском...

Вечером Вика собралась в гости. Знакомство с Тинерой она хотела отложить дня на два, чтобы хоть немного освоить местный язык. Но раз просят, надо идти сегодня, наводить мосты, завоевывать доверие и прочее.

Накачанная словами начальства, Вика подошла к делу ответственно и продуманно. Сперва выбрала наряд – платье, туфли, потом уделила время деталям – макияж, маникюр. Магик должна понять, что перед ней человек из другого мира. Впрочем, как она по одежде поймет? Как вообще одеваются на Асалентае? Какая мода в ходу? Какой век в империи? Может, там все в балахонах до пола и бесформенных накидках. Вот блин, забыла спросить! Чего стоило сказать Елисееву, чтобы подготовил материал. А ему-то откуда знать? Неужто поисковики – сплошь мужчины – станут о нарядах думать? Так как быть? Идти в том, что надела, или сменить на более скромное? А что тогда надеть? Джинсы? И макияж, яркий и дорогой. Эта девчонка его оценит?..

Вика зависла. Сидя на кровати и глядя в зеркало, пыталась понять, надо ли вообще заморачиваться насчет одежды. Может, стоит подготовить вопросы? Или тему для разговора? Но она готовила. Только забыла с этими сборами. Черт, а время идет!

Навруцкий слегка перебрал с накруткой Вики, а та, привыкшая серьезно относиться к любому заданию, запугала сама себя. Волнение, сомнение, неуверенность, да еще ответственность такая! И все это на плечи девушки, которая только-только перешла на базу. И тут же в бой.

Выручил Елисеев. Более чуткий и опытный, знающий, как иногда воспринимают женщины даже самое простое дело и способны на ровном месте напридумывать кучу проблем, он вовремя возник на пороге Викиного жилья, стукнул два раза в дверь и одарил хозяйку восхищенным взглядом.

– О какая красота! Ты на танцы?

Вика мрачно посмотрела на нового шефа, отметила его взгляд, направленный на открытые выше колен ноги, и поджала губы.

– Я еще не...

– А-а... – Елисеев прошел в комнату, осмотрелся. – Апартаменты на уровне?

Вика пожалала плечами.

Стандартное жилье на базе представляло собой аналог двухкомнатной квартиры, правда, меньших размеров. Спальня, гостиная, ванная, санузел и совсем небольшая кухня. Жизнь сотрудников проходила большей частью вне дома, здесь только ночевали, изредка ели. Да и кому тут нужна роскошь?

– Нормально, – ответила Вика.

– Ну и хорошо. У меня такая же хата. Пустая и холодная... без семейного уюта. Даже кошки нет. – Елисеев огорченно вздохнул, потом улыбнулся: – Ты гладить умеешь?

– Гладить? – растерялась Вика.

– Ну да. Я привык рубашки менять через день. В автопрачечной стирают хорошо, но не гладят. А сам не очень, никак не научусь. Поможешь?

– Надо было обслугу привезти, – съязвила Вика. – Горничных, уборщиц.

– Уборщики есть, – вполне серьезно ответил Елисеев. – А вот горничных нет. На них же допуск оформлять надо, штаты расширять. А режим секретности?! Ладно. – Он махнул рукой. – В неглаженных похожу. Хордингам все равно, а женщин тут мало. Не перед кем красоваться. Кроме тебя.

Вика усмехнулась. Потом вдруг подумала, что у самой будет та же проблема. Ей-то в неглаженном ходить точно нельзя.

– Ладно, пошли, – пригласил Елисеев. – Поболтаем немного. Кстати, надо на ужин сходить. Ты-то ела?

Вика покачала головой и только сейчас поняла, что голодна. Это от волнения, наверное. – Ты узнай потом у Тинеры, у них диеты существуют?

Вика надула губы, но глядя на Елисеева, вдруг рассмеялась. Вот болтун! Какая диета?!

Странно, но визит Елисеева и его треп помогли справиться с волнением. И предстоящее знакомство больше не тяготило Вику. Еще раз оглядев себя в зеркало, она подхватила кофр с планшетом и шагнула к двери.

...Разговор не пошел. Не получилось диалога, скорее вымученная беседа, то и дело прерываемая паузами. Елисеев, хитрюга, представил Тинеру и Вику друг другу, сказал пару пустых фраз и слинял. Вика, заведенная на контакт, начала довольно бодро, но вскоре поняла, что все пошло не так.

Тинера смотрела на нее, как на чужого и явно лишнего человека. Да, одна из знакомых Макса, да такая вот прекрасная, но – чужая. Внешний вид гостьи не вызвал у Тинеры особого интереса, хотя Вика рассчитывала на эффект неожиданности. Однако посмотрев на магика, вдруг поняла, что напрасно наряжалась и красилась, и вообще ее идея была ошибкой. И что выстроить отношения будет сложно. Надо все менять на ходу и налаживать контакт как-то иначе. Да еще этот проклятый автопереводчик! Тинера больше глядела на «говорящую коробку», чем на гостью.

Чтобы не тянуть паузу бесконечно, Вика предложила поужинать, на что получила ответ: – Что-то не хочется.

И сказано это было таким равнодушным голосом, что Вике захотелось немедленно встать и уйти. Но... она не ушла. Не привыкла сдаваться в самом начале.

– Тогда давай кофейку?! – подмигнула Вика, натянув милую улыбку. – Где у тебя тут кухня?

Как автопереводчик перевел слово «кофе», непонятно. Тинера пожала плечами и обозначила поворот головы в сторону двери.

Ее разместили в таком же доме, как и Вику. Но вряд ли Тинера пользовалась хоть чем-то, кроме ванной комнаты. И на кухню едва ли заглядывала.

Вика встала, подхватила планшет.

– Пошли! Попробуешь, что это такое!

Тинера помедлила, но все же встала, опять покосилась на планшет.

– Ты извини, что я с этим... – улынулась Вика. – Второй день здесь, только несколько слов знаю. Но скоро выучу.

На кухне Вика развернула кипучую деятельность, успевая при этом задавать простые вопросы. Тинера хоть и неохотно, но отвечала.

«Одна в чужом месте. Вдали от дома. Вдали от любимого. Среди незнакомых людей. И все непонятно, незнакомо, страшно. И еще эти ее запреты внутренние... – соображала Вика. – Тут кто угодно замкнется. А наши тоже хороши, сунули сюда и бросили. Что ей пара дежурных бесед? Денис еще тот молодец! Мог бы и раньше меня прислать!»

Вика наконец поняла состояние Тинеры, поняла, отчего она такая мрачная и, главное – что теперь делать. А ничего! Кофе пить!

– Тебе сколько ложек?

Тинера непонимающе посмотрела на Вику.

– Сколько сахара класть? Кофе-то горький, надо с чем-то. А меда тут нет. Сахар знаешь?

– Сахар знаю. – Тинера слабо улыбнулась. Наконец-то!

Вика поставила на стол две чашки, в центр водрузила большую сахарницу и довольная села напротив Тинеры.

– Я сахара чуть-чуть. Фигуру беречь надо. Осторожно, горячий.

Тинера смотрела, как Вика дует на чашку, как осторожно пробует кофе и смешно морщится.

– Запах сильный... – сказала она.

– Нравится?

Тинера пожала плечами.

– Ну, попробуй! Если горько, клади сахар еще.

Кофе пришелся Тинере по душе. Она сосредоточенно пила мелкими глотками, потом закрывала глаза и оценивала свои ощущения.

А Вика смотрела на нее, понимая, почему комитетский Казанова Макс Таныш вдруг воспылал чувствами к этой аборигенке. Да, внешность, да, красота. Но красоток Макс знал много. А вот природное очарование, мягкость, женственность, и ощущение какого-то уюта рядом с этой девушкой – вот такого вместе и сразу он точно не встречал.

Вообще-то Вика привыкла видеть в других женщинах соперниц. Даже если это ее подруги. Особенно если это подруги. Но к Тинере не испытывала никакой ревности, отторжения, недовольства. Это было удивительно и странно. И приятно.

Вика поставила пустую чашку на стол, довольно вздохнула и вдруг – скорее по наитию, чем по расчету – спросила:

– Расскажи о Максе. Я-то его мало знаю, виделась у нас несколько раз, и всё. Какой он?

И по порозовевшему лицу, по блеску в глазах и по вспыхнувшей вдруг улыбке на лице Тинеры поняла, что угадала, нашла верную тему и наконец растопила лед отчуждения. А еще поняла, что Тинера влюблена и серьезно.

Только бы этот чертов автопереводчик не отвлекал!

– Он... такой славный. Сильный, добрый. И веселый.

Ага! И слова нашлись!

– Он тебя не обижал?

– Ты что? Он спас меня. И многих. Я...

– Ты счастлива?

Тинера впервые прямо посмотрела в глаза Вики и мягко улыбнулась:

– Очень.

– Вы, конечно, уроды! Бросили девчонку одну, взаперти и довольны! – выговаривала на следующее утро Елисееву Вика. – Она с ума сходит, боится всего. Надо было хоть кого-то рядом... Где ваши психологи? Она даже не знает, как плиту включить, голодная сидит! А в столовую не ходит, страшно. Вот я Максускажу, как вы его невесту пытаете, он вам устроит! Что, Евгений Александрович, уставились?

– Женя.

– Что?

– Зовут меня так, – спокойно пояснил Елисеев. – Имя. Можно Евгений, но проще Женя.

А по имени-отчеству величать долго и нудно.

Вика фыркнула, окатила Елисеева пренебрежительным взглядом.

– И если вы не против, Виктория Альбертовна, я буду звать вас по имени. Это не унижит ваше достоинство?

Вика нахмурилась. Издевается что ли?

– Называйте. Переживу как-нибудь.

– Благодарю, – так же спокойно продолжил Елисеев. – И если можно – на «ты». Да?

Вика скрестила руки на груди.

– Может, еще на брудершафт выпьем?

Женя едва заметно улыбнулся, склонил голову.

– Хорошая идея! Но попозже, ладно? А пока вернемся к делу.

Елисеев встал из-за стола, подошел к нише, где стоял кофеварочный автомат, включил его и начал засыпать зерна.

– Не против кофе? Я по утрам обычно пью. Или чай?

– Кофе, – тихо буркнула Вика, моментально сообразив, что Елисеев сейчас делает то, что она сама делала вчера при встрече с Тинерой. Психолог хренов!

Женя наполнил две чашки, водрузил их на небольшой поднос и поставил на стол. Потом принес сахарницу и вазочку с печеньями.

– Позавтракать не успел, приходится на ходу. Прошу.

Вика вынуждена была взять чашку. Надо признать, новый шеф готовил кофе вполне сносно.

– С Тинерой мы немного напортачили, – вдруг сказал Елисеев. – Действительно стоило решить вопрос сразу, но было столько дел. И еще раненый Каут. Моя вина, недоглядел. Потому директор и попросил вас помочь.

– Мы опять на «вы»? – съязвила Вика.

– Виноват, – улыбнулся Елисеев. – Конечно на «ты». Даже без брудершафта.

Вика хотела опять нахмуриться, но вдруг поймала себя на мысли, что не может это сделать, когда Елисеев улыбается. Улыбка у него добрая, открытая. И голос хороший, такой приятный баритон. И вообще строить из себя стерву незачем.

– Мы теперь работаем вместе, – сказал Елисеев. – В одной лодке, так сказать, плывем. И заботы теперь общие. Любые заботы. И проблемы. Вот и давайте... давай решать сообща.

Это было предложение мира и дружбы. Вика перехватила взгляд Елисеева, оценила его как спокойный, в меру заинтересованный, без наглости. И кивнула. Мир, так мир.

– Бери печенье, – предложил Елисеев. – Вкусное.

Вика покачала головой.

– Норма.

– Угу. Так как прошел разговор?

– Под аккомпанемент планшета.

– Это временно. Скоро освоишь язык. Хорошо, что магики знают речь хордингов.

– Ей надо привыкнуть, – заявила Вика. – Помочь адаптироваться. Дать время понять, что мы свои. Такие же, как Макс. И главное – вытащить из дома.

– Сколько угодно! Любой транспорт в вашем распоряжении. Предупредите только.

Вика допила кофе и поставила чашку на поднос.

– Но главное для нее – знать, что будет дальше. Сколько здесь сидеть, зачем? Почему нельзя домой? Я постаралась ее успокоить, но одних моих слов мало. Тут нужен ты или Навруцкий.

– Навруцкого оставим в покое, у него других забот полно. Если нужен я – легко. А сказать ей можешь так: она должна помочь Кауту прийти в себя. Вывести его из комы и объяснить обстановку. Чтобы тот опять не рухнул в кому.

– И всё?

Елисеев отвел взгляд, постучал пальцем по столешнице.

– А потом... может быть, они помогут нам наладить контакт с факторумом. Это очень важно. И для нас, и для них! – Елисеев заметил взгляд Вики, брошенный на кофе-машину. – Еще?

Он приподнялся, но Вика его опередила:

– Сиди. Моя очередь. Я три года кофе варила. Хотя в офисе его почти никто не пил.

Елисеев усмехнулся. Вика подошла к столу, достала банку с зернами.

– Тинера говорила, что вы осматривали ее. Кстати, она слегка испугалась.

– Обычный осмотр. Больше не будем. А полный осмотр врачи проводили с Каутом.

Елисеев наблюдал, как Вика ловко орудует с машиной, бросил взгляд на ее фигуру, и про себя удивился, почему Навруцкий прошел мимо такой шикарной девушки. Или он верен старому принципу – на работе никаких шашней? Тогда зря. Такую красотку упускать грех.

– Я так понял, общий язык, пусть только в переносном смысле, вы нашли?

– Вроде, – откликнулась Вика. – Она реально втюрилась в Макса, на этом мы и поладили.

А потом уже было проще.

– Хорошо. Макс не говорил ей, как собирается дальше? Ну, типа женится или как?

Вика разлила кофе по чашкам, обернулась, прищурила глаза.

– А что? Тоже понравилась девочка?

Он встал, подошел к столу, взял из рук Вики поднос. Посмотрел в глаза.

– Понравилась. Но другая. А о Максе спросил, потому как надо понять, к чему готовить Тинеру.

Вика выдержала взгляд шефа и не среагировала на намек.

– Готовьтесь к свадьбе, – с вызовом проговорила она. – Если я хоть немного понимаю в этом, Макс уже не отступит. И Тинера тоже.

– Кхм!.. Это радует.

Так они и стояли напротив друг друга: Вика – уперев руки в бока, Женя с подносом наперевес, пока их не отвлек звонок коммуникатора. Женя вручил поднос Вике и подошел к столу.

– Да?

– Салют, бигбосс! – загремел в динамике голос Кумашева. – Примешь гостя через полчаса?

– Легко.

– Тогда до встречи. Да, Вике привет. Она чайку не расстарается? Можно с медом.

Женя бросил на Вику веселый взгляд и подмигнул.

– Посмотрим. Но мед твой.

– Заметано!

Отключив коммуникатор, Женя растянул губы в улыбке.

– Ну, кто лучше чай делает?

И Вика помимо воли ответила улыбкой. Почему-то сердиться на нового шефа совершенно не хотелось. Даже вредничать. И откуда он такой улыбчивый взялся?

База Топим лед...

Днем они посетили Каута. Тинера долго сидела возле кровати, гладила магика по вискам, запястьям, прислушивалась к дыханию. С недоверием и испугом смотрела на аппаратуру, установленную на кушетке и в изголовье.

Вика не мешала, не отвлекала. И тоже смотрела на Каута. Его, как сказал Елисеев, уже обследовали. А что нашли? Надо потом спросить. Так ли магики отличаются от людей? И чем?

Тинера попробовала поговорить с Каутом, потом водила руками над его грудью. Пришедший в палату Темников девушке не мешал. Зато рассказал о назначении аппаратуры. Тинера вряд ли что поняла, но страх из ее глаз ушел.

– Думаю, вместе мы вернем его, – заверил Темников. – Надо немного подождать.

Тинера кивала, но ничего не говорила. И все же из медцентра вышла успокоенной.

– А ты можешь сейчас... ну, это, поколдовать? – спросила Вика.

Тинера посмотрела на чистое небо, на диск светила, зачем-то прижала руки к голове.

– Не знаю. Чувствую, что ночью пойдет снег. Что могу закрыть рану... небольшую. Тут нет силы. Здесь не мой дом, не империя.

– Чем дальше, тем меньше силы? – догадалась Вика.

– Да.

– А Каут так будет долго?

Тинера молчала, рассматривая небо, потом очнулась.

– Вы спасли его. Сам бы он не смог. Но сейчас он за кромкой.

– За чем?

– За кромкой сознания. Говорит с Вершителем. Если решит вернуться, то встанет.

– А Вершитель, это... Извини, – осеклась Вика. – Тебе же нельзя.

Тинера слабо улыбнулась.

– Здесь я не чувствую тяжести, когда говорю об этом. Но все равно сложно. Вершитель – он там и здесь, далеко и близко. В нас.

– Это бог?

– Это все. Но он не бог, не Огалтэ.

– Ладно. Пойдем перекусим.

Автопереводчик выдал нечто несусветное, потому как Тинера изумленно округлила глаза.

– Э-э, поедим.

Тинера фыркнула и рассмеялась. Это был первый смех, услышанный Викой.

– Эта вещь сказала, что ты хочешь что-то отрубить.

Вика тоже засмеялась, хлопнула по планшету.

– Я учу язык.

– А можно, я тоже? – робко попросила Тинера.

– Что тоже?

– Буду учить ваш язык.

Вика пристально посмотрела на Тинеру, та не отвела взгляд.

– Конечно. Я Женьку попрошу, он подготовит программу. Быстро выучишь.

В тот же день Вика упросила Елисеева организовать сеанс связи с Максом. Елисеев сперва отнекивался, потом, когда Вика пригрозила сообщить Навруцкому, развел руками и вызвал Бердина. О чем они говорили, Вика не слышала, но через полчаса Женя сам приехал к Вике.

– Где эта Джульетта? Ромео ждет!

Через пять минут онемевшая от счастья и изумления Тинера говорила с Максом. Вика и Елисеев тактично вышли на кухню. И сидели молча, глядя по сторонам и иногда друг на друга. Вика впервые обратила внимание на то, как он выглядит. Уставший, напряженный, взгляд нерадостный. Тяжела участь шефа. И еще она с претензиями и глупыми угрозами.

– Жень, хочешь кофе? – спросила она шепотом.

– Хочу, – тоже шепотом ответил он.

Вика улыбнулась.

– А шашлык?

– Тоже хочу.

– А еще что-нибудь?

Вместо ответа он вздохнул и опустил голову, почему-то сделавшись похожим на большого печального пса. Вике вдруг захотелось погладить его. Она вздрогнула и выгнала глупые мысли из головы. Кофе – так кофе.

– Шашлык по отдельному заказу, – пошутила она. – С хорошим вином.

– Сейчас Джульетта наговорится, будет вам шашлык, – ответил Елисеев. – Хоть с шампанским.

На другой день Вика с Тинерой летали к морю. На вертолете. Тинера всю дорогу смотрела в иллюминатор, сжав рукой поручень. На берегу по просьбе Вики их встречали местные хординги. Из тех, кто был допущен к работе с «посланцами Трапара». Они показали поселок, рыбацьи лодки, рассказали о жизни. Тинера сперва вздрагивала от звучания их языка, потом перестала и с жадностью смотрела на рыбаков и на море.

Вика, понемногу осваивавшая язык, понимала с пятое на десятое, но все же была в курсе беседы. На берегу у Тинеры проснулись былые навыки, и она быстро вылечила небольшую рану у сына рыбака и смогла подманить к берегу косяк рыб. Хординги смотрели на нее как на чудо и предлагали остаться жить.

Их накормили местными деликатесами, нагрузили в дорогу двумя корзинами и долго махали руками взлетающему вертолету. Его, кстати, совсем не боялись. Привыкли.

Разговор с Максом и поездка к морю совершенно изменили Тинеру. Она стала улыбаться, смеяться, рассказывала истории из практики, вспоминала детство. Повела о первой встрече с Максом, но уже подробно. Сказала, что была напугана его напором, но он вел себя достойно. Хотя глазами разве что не ел. А потом была близость, которая едва не лишила Тинеру сознания. Именно после этого она почувствовала, что связана с Максом навсегда.

– А ты гадать умеешь?

– Гадать?

– Ну, предсказывать судьбу, – слегка смутилась Вика. – Любовь, разлуку.

Тинера лукаво улыбнулась.

– Гадать не могу. А видеть – да. И я вижу.

– Что?

– Кого. Того, на кого ты смотришь. И кто смотрит на тебя.

Вика вздохнула, недоверчиво глянула на Тинеру.

– Кто смотрит?

– Тот, с кем ты работаешь. Так вы говорите, да? Он открыт, а ты пока нет. Но хочешь этого.

Вика мотнула головой, не соглашаясь, встала. Подошла к окну.

– Разве я хочу?

– Очень. И чем дольше ты будешь закрыта, тем сильнее будет... все это. Только долго ждать не надо.

Вика помолчала, думая о видении Тинеры, потом повернулась к ней:

– Его зовут Женя. На вашем языке – благородный.

– Да, это правда. У него чистое сердце и открытая душа. Но ты думала о другом, верно?

Вика пожалала плечами. Потом вдруг подмигнула.

– А знаешь... хочешь увидеть наш мир? Мир Макса?

Тинера изумленно вскинула брови.

– Это можно?

– Конечно. Только надо подобрать тебе наряды.

Тинера встала, посмотрела на свое платье.

– Надо?

– И обязательно! Пошли!

– Куда?

Вика взяла ее за руку и повела к двери.

– Удивим нашего шефа! Посмотришь на его физиономию, когда он не знает, что ответить. Только не смейся!

На Землю Елисеев провожал их сам. Сперва инструктировал Вику, потом поговорил с Тинерой, заверил, что встретят и все будет хорошо. Говорил долго и слегка нудно. Вика сначала терпела, потом прервала поток слов довольно смелым ходом – обняла за шею и поцеловала в щеку.

– Мы все поняли! Спасибо за заботу!

Онемевший от неожиданности Женька впал в ступор.

– Всегда пожалуйста, – прохрипел он. – Заходите еще.

Через час после отправки девушек к Елисееву нагрянули Бердин и Кумашев, оторвав от приятных размышлений о Вике и перспективах их отношений.

– Армия подходит к границам Ошеры и Корши. Скоро мы столкнемся с легионами внутренних провинций. Впереди основной и самый трудный этап – захват провинций и их удержание. Сейчас самое время начинать игру в тылах империи, – сказал Бердин. – Активную игру.

– У нас все готово, – ответил Кумашев. – В ожидании отправки два десятка людей. Их задача – сеять панику, распространять слухи. О страшной силе, что идет на империю, о мести за политику империи, о грехах богатых, о гневе Огалтэ. В условиях тотальной цензуры, которую уже ввели в империи, особенно в метрополии, на фоне вторжения вооргов и полного отсутствия сведений из Кум-куаро и Дельры эти меры сыграют свою роль.

– Два десятка – не мало? – спросил Бердин.

Кумашев довольно улыбнулся:

– Так это только низшая группа. Мы уже отправили в империю десятков торговцев, причем как из доминингов, так и из Дельры. Тех, кого смогли перевербовать... разными способами. Им поставлена задача по сбору информации, но главное – доставка в империю манифеста.

Елисеев удивленно вскинул брови:

– Что за манифест?

– Воззвание к жителям империи. Смысл таков: некогда согнанные со своей земли хординги, ведомые богом Трапаром, идут возвращать отнятое. Это святое дело, за которое они будут сражаться до конца. Там еще об Огалтэ: мол, бог империи не станет помогать захватчикам, а значит, нет смысла воевать с хордингами. Ибо Трапар наслет великие беды на тех, кто нарушит запреты. Ну и конечно, о братстве привратников: они служат не богу, а власти, значит, потеряли право говорить от имени Огалтэ. Их ждет кара небес.

– Да. Это может сработать, – кивнул Бердин.

– Не может, а сработает! – веско проговорил Кумашев. – Манифест будет подброшен, а кое-где и расклеен в городах и поселках сразу нескольких провинций. В одно время. Это... внесет смуту. Женька, ты чем недоволен?

Елисеев вздрогнул, покосился на Кумашева.

– Я?

– Чего у тебя физия кривая, как уксусу жажнул? Наши методы не нравятся?

Женька вздохнул, потер руками лицо.

– Как-то все это... подло, что ли.

– Подло? Это война, Женек, война, а не игра! И мы хотим ее выиграть с меньшими затратами, в том числе людскими. И речь не только о хордингах. К слову, в манифесте четко сказано: простому люду империи ничего не угрожает. Хординги не хотят большой крови, они только возвращают свое.

– Жень, есть война открытая, а есть тайная, – пояснил Бердин. – И без второй победы не одержать. Как бы тебе не хотелось поиграть в рыцаря. Рыцарские правила хороши на турнирах во славу прекрасных дам. Да и то не всегда. А здесь не турнир.

– Да знаю я все! – повысил голос Елисеев. – И книги читал, и мировую историю изучал. Просто... – Он грустно усмехнулся, покачал головой. – Просто от вас это слышать непривычно.

Кумашев и Бердин переглянулись, Василий насмешливо прищурил глаза.

– Знал бы ты, как мне непривычно видеть тебя в роли бигбосса! Сидишь у черта на куличках, командуешь, ругаешься, грозишь, кулаком стучишь! Прямо не Женька, а Наполеон!

Елисеев подозрительно взглянул на Бердина:

– Сам же меня втянул. И вообще, хватит! Я все понял, ясно? Война – не мое! И все эти приемы – тоже.

– Ну так от тебя никто не требует с мечом в руках или с манифестом за пазухой... Будь на своем месте, рули дальше. Викой любуйся!

– Щас как дам по репе! – насупился Женя. – За шуточки!

Бердин, смеясь, поднял руки:

– Все, все! Капитулирую! Сева, что у тебя еще?

– У нас. У нас в запасе целый префект, еще более целый стратион легиона, бургомистр, цензор и куча чиновников разного ранга. А значит, их связи, родня, знакомые и прочие, и прочие... То есть сведения из империи можно перепроверять неоднократно.

– Что радует, – довольно заметил Бердин.

– А в качестве одного из руководителей контрразведывательной группы в империи выступает... – Сева сделал паузу, – баронесса Этур.

– Подружка Артема? Seriously?

Сева кивнул:

– Перевербована и успешно. С помощью наместника Мивуса. Прошла ускоренный курс подготовки и уже работает. Как дополнительный гарант лояльности – ее сын. Женя, не смотри волком! Никто ребенка не тронет. Мы используем образ мышления и психологию аборигенов. У них так принято, это они понимают. Высокие моральные принципы, демократические ценности и прочая либерастия тут будет веков через семь-восемь.

– Вы звери, господа! – вздохнул Елисеев. – История вас осудит.

– История – это мы. Как сделаем, так и запишут в скрижалях.

– Что еще есть? – спросил Бердин.

– Есть загадочный и могущественный факторум магов, пардон – магигов. Бесценный кладезь информации, прямой выход на неведомых пришельцев и еще одна сила в империи. Жень?

– А чо я?

- Как дела у Каута и Тинеры?
- Темников говорит, что Каута скоро выведут из комы. С помощью Тинеры. Тут мы подключимся и наладим контакт. А Тинера...
- А Тинера?
- Она на Земле.
- Бердин удивленно хмыкнул:
- О как!
- Вика утащила знакомить с нашим миром. С моего согласия. И для налаживания отношений.
- Макс в курсе?
- Да. Девочка явно приободрилась, стала веселее. Тут Навруцкий угадал, вовремя прислал Вику.
- Значит, с магиками получается, – порадовался Кумашев. – Каут и Тинера помогут нам выйти на контакт с факторумом.
- Каут, – уточнил Елисеев. – Тинера в империю не пойдет. Макс категорически против.
- Пусть Каут, – не стал возражать Кумашев. – К тому моменту мы должны подготовить предложения для факторума, а главное – найти, чем их заинтересовать.
- Информация! – сказал Бердин. – Доступ к знаниям. Это будет приманкой. Вряд ли они клюнут на золото.
- Василий встал, разминая ноги, прошелся по кабинету.
- С нашими ходами определились, вопросов нет. А вот как в империи? Какие шаги предпримут, на что сделают ставку? Что решат Ракансор и его первый советник Согнер? Есть у них козыри в рукаве или все выложили? – Он обернулся к Севе и Жене: – Интересно, правда?

Империя Необходимость диктует правила

Первый советник императора Яфей Согнер сидел на низком мягком ложе, держа спину прямо и стараясь не нагружать левую ногу. Второй день от колена вдоль бедра простреливала игла боли, не помогали мази и настойки, коими его пичкал лекарь.

Так же старательно Согнер смотрел на императора, зная, что отведенный взгляд может быть воспринят Его Богоподобием как слабость. Или жалость. Что в любом случае унижительно для всевластного владыки.

Его Богоподобие полулежал на специально удлиненном сиденье большого кресла, обложенный подушками и укутанный покрывалом до пояса. Правая рука стискивала пиалу, а левая была скрыта в одеждах. Лицо императора – неподвижное, словно отлитое из гипса, только глаза, живые как прежде, с затаенной болью и яростью смотрят по сторонам.

– Никаких новостей. Кроме тех первых посланий, больше ничего, – говорил Согнер.

Ракансор крепче стиснул пиалу. Согнер торопливо добавил:

– Цензоры молчат. Эстафеты либо разгромлены, либо... Приставы тоже не шлют вестей. Высланные в срочном порядке выведы не вернулись. И не дали о себе знать.

– Хординги, – немного невнятно, но отчетливо проскрипел Ракансор. – Как... смогли? Легион...

Кадык императора дернулся, по лицу пробежала судорога. Согнер встревоженно покосился на сидящего рядом Нуммера. Верховный магик внимательно смотрел на императора, но беспокойства не проявлял. Значит, ничего страшного.

– Видимо, Шестой легион разбит. Аммер тоже вестей не присылал.

Ракансор впери в советника грозный взгляд. Он явно был готов обрушить на Согнера всю ярость, но сил хватило только на то, чтобы заскрежетать зубами и стиснуть сильнее ни в чем не повинную пиалу.

Удар хватил императора четыре дня назад, когда ему доложили, что все попытки получить вести от префектов провинций Кум-куаро и Дельры провалились. Но несколько беглецов заявили, будто Келараг пал. Потеря столицы Кум-куаро была делом невероятным, но Ракансор поверил. В сильнейшем смятении он покинул малый прием и уже в своих покоях упал без чувств.

На счастье, во дворце находился вызванный императором Нуммер. Вместе с личным лекарем императора Беламаем они сумели вытащить Ракансора из забытья. Однако поставить его на ноги не смогли.

– Его Богоподобие разбит ударом. Частичный паралич левых руки и ноги. Нарушена речь. В голове образовался кровавый шар. Мы сделаем что можем, но на скорое выздоровление рассчитывать... – Нуммер развел руками и тяжело вздохнул.

Убитый горем Беламай молчал, низко опустив голову. Его лекарское искусство на этот раз отказало.

– Покой, и еще раз покой, – повторил Нуммер. – Я буду рядом с ним.

Согнер повелел, чтобы под страхом смерти никто не смел даже намекать на проблемы во дворце. Охрану покоев императора удвоил. А сам провел две бессонные ночи, давая в себе панику и молясь Огалтэ, чтобы Ракансор выжил. Потеря императора в такое время могла обернуться трагедией для всей империи.

На второй день он стал прикидывать расклад сил во дворце и в столице и считать варианты. На третий – строить первые робкие планы. А наутро четвертого его позвали к императору. И то, что Согнер увидел... кого увидел, вселило в советника одновременно надежду и ужас.

В бледном, резко осунувшемся и неподвижном человеке не было ничего от прежнего Ракансора. Согнер молил Огалтэ, чтобы его лицо не выдало чувств, иначе Ракансор увидит панику и дикий страх своего главного советника.

– Собери всех... на завтра, – тяжело, с паузами, с шипением выдавливал слова Ракансор. – А утром придешь с Нуммером. Готовься...

К чему готовиться, император не уточнил, а переспрашивать Согнер не стал. Ракансор умолк и закрыл глаза, видимо, исчерпав все силы.

Глядя на лежащего императора, Согнер отчетливо понял – дни Его Богоподобия сочтены. Если и протянет октан-другой, пусть даже круг, то все равно былой мощи Ракансора не вернуть. А значит, империя остается без твердой властной руки. Тут есть над чем подумать. И есть что решить. Причем сейчас, пока император жив.

Однако на следующее утро Ракансор выглядел уже лучше. Настолько, что смог сидеть – правда, обложенный подушками, под неусыпным контролем Беламая и Нуммера, но все же. И речь почти нормальная. И взгляд как прежде – прожигающий.

Согнер позволил себе слабую надежду. И боялся плохими известиями опять свергнуть императора в забвение.

– ...Что сделали? – выдавил Ракансор, не отводя от советника тяжелого взгляда.

– Пектофраг хочет направить на закат несколько когорт из тех, что пришли в Бамареан. С полуночи к Дельре и Кум-куаро идут когорты Веш-Амского легиона.

Император молчал. Не будучи военным, он все же неплохо разбирался в стратегии. И хорошо знал, что такое переброска войск. То, что сейчас делает Пектофраг, на первый взгляд верно. Но когда прибудет подкрепление? Как скоро соберут резервные когорты, составленные из ветеранов, а значит, далеко не такие быстрые и боеспособные? Хватит ли этих сил? Хординги почти мгновенно уничтожили Шестой легион. Пусть и неполного состава, но легион! И как стремительно они идут! Келараг взят, враги маршируют на полночь. И будут по частям громить подходящие резервы – например, когорты Веш-Амского легиона. И помощь из Бамареана не спасет ситуацию.

Ах, как мало он знает о хордингах. И совсем ничего не знает о том, что творится в Кум-куаро и Дельре. Все эти цензоры, приставы, все не у дел. Как это возможно?!

Ракансор выплыл из тягостных размышлений, перевел взгляд на бледного от волнения Согнера и неподвижного как стена Нуммера.

– Все решения отменить... до совета. Согнер.

– Да, Ваше...

– Согнер, – повторил вдруг охрипший Ракансор. Он поднял правую руку, поднес зажатую в ладони пиалу ко рту.

Согнер бросился вперед, помочь, но грозный окрик остановил его.

– Назад! Я пока сам... – Император сделал пару глотков парды, облегченно откинул голову на подушки и отбросил пустую пиалу. – Нужны сведения... – более четко проговорил Ракансор. – Где хординги? Сколько у них войска? Какие планы?

Согнер склонил голову:

– Да, Ваше...

– Советник! Не зли меня.

– Да, мэр император. Но пока мы не смогли получить никаких сведений. Я хотел бы обратиться к мэору Нуммеру с просьбой о помощи. Может быть, магики справятся там, где бессильны выведы.

Верховный магик бросил на Согнера короткий взгляд и привычно пригасил вспыхнувшее раздражение. Ловок первый советник, ловок. Отказывать при императоре нельзя. Но как быть?

Ракансор перевел взгляд на Нуммера. Тот прокашлялся, посмотрел на императора.

– Адепты факторума не выведы, Ваше Богоподобие. Они не обладают нужными умениями. И потом, сейчас в провинциях Дельра и Кум-куаро нет наших людей.

– Ни одного? – спросил император.

– Два бакалавра пропали в Кум-куаро. Мы пытались определить место, но... А посылать туда еще кого-то...

На лице Ракансора появилась злая гримаса. Нуммер замолчал, ожидая упреков, однако Ракансор просто переждал приступ боли. Она сильно ударила в грудь и спину, но быстро прошла.

«Двое пропали на закате, – мысленно продолжил Нуммер. – Один в Юлараге. И если первых двух еще можно списать на хордингов, то третьего – на кого? Что скажешь, Согнер? Ты же суешь нос в наши дела, ты следишь за адептами, лезешь в Долину Змей, подкупаешь прислужников факторума. А поиски контактов с нелюдью? Хочешь проникнуть в тайны факторума? Зачем? Если пришельцы с полудня ни при чем, зачем тебе три магика? И сколько ты готов выкрасть еще?»

«Старый волк, – сочувственно улыбался Нуммеру Согнер. – Из любой облавы уйдет. Смотрит, как бритвой режет. И намеки на своих адептов: пропали, мол. Кстати, а правда, как пропали? И почему он молчит о том, которого взяли в Юлараге? Зря, зря Арун поспешил. Но теперь не отступишь. Жаль, не вовремя... Но если откажет, пусть при императоре. Тот будет сговорчивее, когда подниму вопрос о факторуме. Если подниму...»

Обмен взглядами советника и магика Ракансор заметил. Эти двое – как змеи в одном логове. Если и не жалят, то ядом истекают. Их сдерживает только он – император. А что будет, когда... Нуммер вовсе уведет факторум в тень. Не позволит ему участвовать в придворной возне. А Согнер? Принесет присягу новому Богоподобию? Или попробует сам взойти на вершину власти? Нет, не должен. Но решать надо сейчас. Решать с хордингами, с вооргами. С преемником и с Согнером. А главное – решать с империей. Обязательно.

Ах, как не хочется Ракансору уходить проигравшим! Как не хочется оставлять о себе память, как о потерявшем земли предков! Это будет плохо и для сына. Или для племянника, если все же его оставлять за себя. Надо решать. Самому. А потом заставить всех принять его решение. И если кто будет против... то как с ними? На кого император может рассчитывать?

– Согнер, – прервал паузу Ракансор. – Подготовь все к совету. И собери последние вести. Я буду ждать в Белом зале.

Согнер встал, поклонился и вышел из покоев. На его лице Ракансор разглядел застывшее выражение почтения, за которым первый советник всегда скрывал мысли и чувства. Вот только глаза слишком уж пустые.

Император жестом подозвал Верховного магика. Нуммер подошел вплотную к креслу.

– Нуммер. Я всегда уважал факторум за заботу о людях и невмешательство в политические дразги. Знай, и сейчас я не прошу в них влезать. Но на кону существование нашей страны. Подумай, как и чем факторум сможет помочь.

– Да, Ваше Богоподобие.

Ракансор улыбнулся:

– Мое Богоподобие просит Верховного магика помочь ему выглядеть достойно на совете. Нуммер позволил себе слабую улыбку.

– Беламай меня задушит.

– Беламай я беру на себя. Он верен мне, но не понимает, что иногда необходимость диктует правила. Помогите мне быть сегодня императором. Даже если завтра им будет другой.

Нуммер выдержал взгляд Ракансора и склонил голову. Он увидел в глазах императора то, чего видеть не хотел. Он увидел смерть.

Белый зал, где по традиции проходил Малый Имперский Совет, сегодня выглядел непривычно пустым. Стены и двери против обыкновения завешены толстыми коврами. Горела только половина жаровен, наполняя воздух слабым цветочным ароматом. Светильники и ритуальные плошки с маслом, кроме света, добавляли еще запах трав.

Вместо лежаков – кресла с мягкими сиденьями и подставками для ног. Возле каждого кресла – столик, где стоят пиалы и кувшины с водой, вином и пардой. Шесть кресел, шесть человек.

Первый имперский советник Согнер. На нем внешняя и внутренняя политика империи, тайные службы. Второй советник Бескор, он отвечает за армию и хозяйство. Третий советник Вудеер, на нем колонии и внешние отношения империи. Главный казначей Лакотер, ведающий финансами империи и налогами.

Первый помощник диктатора армии Вэмдар. Сам диктатор Пектофраг сейчас в Бамареане, лично возглавляет операцию против вооргов. Хочет оправдаться в глазах императора и стяжать славу победителя. Намерение верное, но сейчас, в решающий момент, его нет в столице. И это не очень хорошо для старого воителя. Зато шанс для его помощника, еще молодого и одаренного Вэмдара, которого император уже не раз отмечал.

Шестым был племянник императора Гратар – личный писарь, помощник и близкий родственник. Впрочем, уже не только. Уже не только.

И седьмой – сам император. Его кресло стояло напротив остальных под большим императорским гербом. Ракансор уверенно восседал в кресле: руки на широких подлокотниках, ноги на деревянной подставке. Болезненная бледность уступила место легкому румянцу. На лице прежнее волевое выражение. Уголки губ не отвисшие, как еще утром, а твердо поджаты. Во всем облике императора видны сила и мощь. Жаль, что только видны. Однако сейчас и это много значит.

Ракансор прошелся взглядом по креслам. Если пока исключить племянника, здесь пятеро первых лиц империи. Те, кто держит под контролем все, отвечает за все и имеет над всем этим власть, ограниченную лишь волей императора. Можно сказать – это самый малый имперский совет. И самый представительный. Его собирают только в исключительных случаях. Как, например, сейчас.

– Хординги! – задал вопрос Ракансор.

На этом совете темы определяет император, и не обязательно они обговариваются заранее. Но обязательно на все вопросы звучат ответы. Полные, исчерпывающие, откровенные. Здесь иных не бывает.

– Хординги, видимо, взяли провинции Кум-куаро и Дельру, – ответил Вэмдар. – Шестой легион пал. – Голос помощника диктатора не дрожал, взгляд был спокойный, но напряжение Вэмдара чувствовали все.

– Еще?

– Отрядом хордингов взят город Верлет в провинции Бамареан. Разграблен и сожжен, стража перебита. Затем отряд по реке ушел к Сарцету. Посланная вдогонку конница в Верлете никого не застала. По словам горожан, врагов было несколько сотен. Иных вестей оттуда нет.

– Так... – Император потер правой рукой левую. – Они сунулись в Бамареан малыми силами, а потом ушли. Что это?

– Возможно, разведка. Если бы хординги пошли на соединение с вооргами, вряд ли бы они отправили один отряд. И не отступили бы к Сарцету.

– Хординги в трехстах верстах от столицы. Занятно, не правда ли?

Вэмдар увидел улыбку на лице императора и благоразумно опустил голову. Согнер эту улыбку знал и порадовался за помощника диктатора. Если бы тот вдруг тоже улыбнулся или

что-то сказал... Сейчас предсказать поведение Ракансора просто невозможно. Хотя вряд ли тот велит рубить головы, но все же...

– Я знаю о хордингах только по вашим докладам, – довольно мирно продолжил Ракансор. – И знаю мало. Но даже этого хватает, чтобы понять: никакие дикие племена не способны сперва покорить далеко не слабые домининги, а потом с налета взять две провинции империи! Истребив целый легион! – Голос императора набирал обороты и уже звучал, как раскат грома. – На это не способны дикие, как вы утверждали, племена полуголодных и нищих варваров! И я вас спрашиваю – кто же вторгся в империю? Кто крушит мощь легионов и топчет мои владения?!

Рык оборвался. Император обвел всех свирепым взглядом. Сановники подумали, что он сдерживает себя, но Ракансор просто пересиливал боль в голове и в спине. Нуммер буквально поставил его на ноги, но болезнь давала о себе знать. Надо держать себя в руках и не тратить силы на пустой крик. А крик всегда пустой. Скверно. Сорвался, да еще так глупо.

Ракансор опять потерял левую руку и заметил взгляд Согнера.

– Говори, – дозволил он.

– Воорги, – неспешно отозвался первый советник, – некогда тоже были племенем. Но смогли объединить соседей и создать государство. Почему бы и хордингам так не сделать? Правда, непонятно, откуда у них силы на создание войска.

Ответ императора устроил. Он кивнул, глубоко вздохнул, унимая стук сердца. Покосился на племянника. Тот смотрел на дядю во все глаза, но лицо держал бесстрастным. Молодец, мальчик!

– А что воорги? – сменил тему Ракансор.

Вэмдар глянул на Согнера, давая ему возможность ответить, но первый советник молчал.

– Диктатор Пектофраг с резервами уже в провинции Бамареан, – заговорил Вэмдар. – Готовит план изгнания вооргов. Противник продолжает маневрировать конными силами, но его пехота постепенно отходит к границе. Воорги не вступают в большие сражения, предпочитают внезапные удары. Такое впечатление, что они чего-то ждут.

– Кого-то, – подал голос Согнер. – Все более очевидно, что воорги ждут хордингов.

– Это верные сведения? – спросил Ракансор.

– Это догадка. Но она близка к истине. Воорги и хординги напали почти одновременно. Причем хординги ударили после того, как мы начали стягивать резервы к Бамареану и ослабили закатные провинции. Рейд отряда хордингов тому подтверждение. Пектофраг вынужден был часть сил бросить на прикрытие провинции со стороны Кум-куаро.

– Значит, они договорились, – протянул Ракансор. – Заранее. За нашей спиной. О чем мы, конечно, ничего не знали. А теперь три провинции в огне. Две потеряны, и, возможно, еще две под ударом, да?

– Да, Ваше Богоподобие, – встрял вдруг Вэмдар. – Мы считаем, что хординги пойдут дальше на полночь.

– А что еще вы считаете?

– Мы... мы пытаемся понять, какова их конечная цель. Вряд ли у них хватит сил завоевать всю империю. Значит, они хотят взять только несколько провинций.

– Взять несколько провинций, и все! Какая малость! А на наши легионы им наплевать. Они их уничтожают похода! Кхм!.. – Император вперил в помощника диктатора тяжелый взгляд. – И до чего вы дошли, мэор Вэмдар?

«Ну, дружок, это твой шанс, – подумал Согнер, глядя на покрасневшего Вэмдара. – Сейчас или никогда. Только не спеши...»

Вэмдар не спешил. Он встал, выпрямился и поднял голову.

– Мы полагаем, что не имеет смысла бросать в бой подходящие резервы, которые хординги легко будут бить поодиночке. Полагаем, что следует сосредоточить силы в провинциях

Лабервет и Юлараг. Как минимум, по легиону в каждой. А для уточнения позиций войска противника и приостановки его движения когортам Веш-Амского легиона и всем силам, что сейчас есть в провинциях Ошера и Корша, надо выступить на полдень и собраться воедино в районах Лонотора или Туксона.

– Дальше, – потребовал Ракансор.

– Если эти силы вступят в сражение с хордингами... даже если они потерпят поражение, мы сможем узнать о врагах намного больше. И получить время для подготовки наступления.

Ракансор отвел взгляд от Вэмдара. Тот застыл на месте, ожидая вердикта императора и мысленно готовясь к отставке. Или смерти. А Ракансор смотрел на ковры и думал: «Он предлагает мне мой собственный план. Пусть в ином варианте, с другими деталями, но тот же план. Интересно. Узнать мои мысли он не мог. Я никого не посвящал в них, даже Согнера. Значит, сам. Значит, этот молодой еще военачальник дозрел. Вот как...»

Каменное лицо императора не выражало ничего, но Согнер слишком хорошо его изучил. «Это мальчик только что завоевал свое будущее. Не зря я обратил на него внимание еще две зимы назад...»

– Что еще по армии? – прозвучал голос императора.

– Мы планируем внести изменения в структуру легионов. Увеличить конные отряды до полутора тысяч всадников, что придаст легионам маневренность. Увеличить количество лучников, выделить их в отдельные группы. Усилить вооружение тяжелой пехоты. Оснастить легионы большим количеством повозок для воинов. Это ускорит марш. И разработать тактику глубоких конных рейдов...

– Тоже по примеру вооргов, – закончил мысль Ракансор.

– И хордингов, – добавил Вэмдар. – Они так же очень быстры.

«Назначать его сейчас диктатором глупо, – рассуждал Ракансор. – Еще неизвестно, как покажет себя Пектофраг в Бамареане. И что дадут эти новшества. Но вот поставить на самостоятельное дело стоит. Пусть завоевывает славу. Или ломает голову...»

– Значит, собрать силы и ударить, – словно размышляя, повторил император. – Это... интересно. Мэор Вэмдар!

Вэмдар подобрался, опять вскинул голову.

– Раз вы придумали этот план, вам его и осуществлять! С этого момента вы – офиндер! Вэмдар побледнел, вытянулся до предела, явив отменную осанку.

– Ваше Богоподобие!..

– Отныне вам подчиняются все легионы и когорты провинций Лабервет, Умелен, Юлараг и Мевор. А также все вновь формируемые резервы. Кроме того, вы получаете полный пай и средства для подготовки наступления. Эдикт будет готов сегодня, а завтра вы начнете операцию.

«Не задохнись, сынок», – подумал Ракансор, глядя на белое как мел лицо Вэмдара.

– Слушаюсь, Ваше Богоподобие! – рухнул на колено новоявленный офиндер и низко склонил голову. Тут же вскочил и замер. – Благодарю, Ваше Богоподобие! Я ваш слуга!

«Да, теперь мой, – с удовольствием констатировал император. – Или моего преемника».

Звание офиндера присваивается командующему отдельной группировкой, в состав которой входят не менее трех легионов. Это высший чин для действующего военачальника. Он доступен только старшему чиновнику армии, и его обладатель – первый кандидат на должность диктатора.

– Сядьте, мэор офиндер, – велел император.

Вэмдар торопливо сел, подхватил стоящую на столике пиалу и сделал большой глоток. Судя по его лицу, он хватанул вина, ибо, что берет, не смотрел.

– Кроме того, следует объявить новый набор резервных когорт. У нас много ветеранов, не все еще обросли жиром и забыли, как держать меч. Лакотер!

Главный казначей склонил голову:

– Да, Ваше Богоподобие. Я понял. Дополнительные средства для оплаты резервистов мы выделим.

– Хорошо, – одобрил император.

Он вновь ощутил боль в груди, помолчал. Первостепенные вопросы обговорены, решения приняты. Осталось одно дело. Самое важное. То, которое он хотел бы отложить, но не может. Как же все-таки не вовремя!

Далан Гратар по привычке не просто слушал разговор, но и мысленно вел запись. Кто что говорил, о чем, как. С паузами или нет. Насколько ясно. Какое решение принято, кто против, кто за. Как смотрят на императора и что хотят услышать. Или не хотят.

Все это легко запоминалось тренированной памятью. Но больше всего Гратар ждал главного. Того, о чем он узнал днем, когда император пригласил его в личные покои. То, о чем он не мог сказать никому и даже намекнуть до того момента, когда сам император объявит.

...Кроме императора, в покоях был его лекарь Беламай. Тот выглядел недовольным и нарочито громко стучал пестиком в ступке, готовя очередное питье. Император мановением руки отпустил лекаря, а Гратару указал на кресло возле стола. Коротко спросил о текущих делах, выслушал лаконичный и точный ответ, правда, данный несколько взволнованным голосом, довольно улыбнулся, а потом перешел к делу.

– Что я болен, ты знаешь.

Это был не вопрос, но Гратар все же кивнул.

– Нуммер не дал мне умереть и вместе с Беламаем поддерживает мои силы. Насколько их хватит, я не знаю. Октан, круг, десять. Я обязан думать о будущем... без меня. Понимаешь.

И снова это был не вопрос. На этот раз Гратар не кивал. И император оценил поведение племянника.

– Империю наследует мой сын Блемер. Когда вырастет. А до того времени его именем будет править регент. Он получит безграничную власть, равную императорской. И поведет империю дальше... по воле Огалтэ.

Ракансор подождал реакции Гратара, но тот молчал. Только немного побледнел. Хорошо держится мальчик.

– Когда Блемеру исполнится двадцать зим, регент передаст всю власть ему. А сам станет первым советником императора.

Ракансор замолчал, отвел взгляд и совсем не по-императорски вздохнул.

– Но если регент поймет... увидит, что Блемер не готов или не способен быть императором... то он сам сядет на трон. И будет воспитывать нового императора. Своего сына. Или Блемера. Если тот окажется... небезнадежен. Понимаешь?

– Да, Ваше Богоподобие, – выдохнул Гратар.

– С этого момента наедине и в присутствии высших сановников ты будешь именовать меня «мой император».

Гратар встал, не зная, как реагировать, потом склонил голову.

– Сядь. Это не привилегия.

– Мой император, – едва слышно проговорил Гратар.

– Именно. Сядь ближе.

Гратар подвинул кресло почти вплотную к креслу императора. Тот с улыбкой посмотрел на племянника и положил руку ему на плечо.

– Твой отец был великим воином. И погиб как герой, спасая людей. Я постарался дать тебе не только образование и должность, но и то, чего ты был лишен. Однако этого было слишком мало.

У Гратара зашипало в глазах. Император... дядя впервые говорил с ним так. Это было необычно и приятно.

– Мало внимания я уделял и Блемеру. Может быть, это была моя самая большая ошибка. Но исправить ее я уже не смогу.

– Мой император, – решил подать голос Гратар. – Ты дал мне все, что может пожелать человек.

– Но не ребенок, – грустно усмехнулся Ракансор. – Когда у тебя будут свои дети, не забывай о них. Поверь, быть отцом не меньшая ответственность, чем быть императором. Понимаешь?

– Да, мой император.

– Ты многому научился. И от других, и от меня. Еще больше тебе надо узнать. Теперь уже самому. Но одно я скажу сейчас... – Ракансор нашел взглядом кувшин на столе. – Поддай мне воды.

Гратар быстро наполнил пиалу и протянул императору. Тот неторопливо выпил, вернул пиалу племяннику. И строго посмотрел на него.

– Бойся. Принять решение. Принять чью-то сторону, чье-то мнение. Особенно бойся совершить ошибку, которая может повлечь за собой катастрофу и много смертей. Бойся не понять скрытый смысл, тайные надежды тех, кто убеждает тебя в чем-то. Бойся своих намерений, какими бы правильными они не были. Бойся!

Гратар опять кивнул, не сводя глаз с императора.

– Никогда не бойся действовать! Когда решение уже принято. Когда отдаешь приказы. Когда ждешь результаты. Когда настает время требовать от других повиновения. Не бойся настаивать на своем мнении! Не бойся наказывать за неповиновение, за ошибки, за обман! Не бойся карать за предательство, карать строго! Безжалостно! Прощенное предательство всегда обернется новым! Предателям нет прощения!

Рука императора вновь опустилась Гратару на плечо, она была тяжела и горяча.

– Врагов можно простить, когда они повержены. И безопасны. Если они могут опять стать опасными – убей их! Тех, кто может стать врагом, тоже убей. А если не можешь, приблизь их и дай им надежду. На победу. Такой враг не страшен. А когда он допустит ошибку – убей! Запомнил?

– Да.

– Знай! Всегда и везде империя превыше всего! Всех интересов, богатства, личного блага. Важнее твоей жизни! Ты принадлежишь империи! Встань!

Гратар вскочил на ноги.

– Боишься?

– Да, мой император.

Ракансор улыбнулся:

– Чего?

– Не оправдать ваших ожиданий. Вашего доверия.

– Далан, ты уже оправдал мои надежды. Теперь тебе надо оправдать доверие империи.

– Этого я не боюсь.

– Иди. Готовься к совету. И больше никогда не говори вслух «я боюсь».

Гратар поклонился.

– И запомни еще одно. Сила императора в его голове. Но истинная мощь, – Ракансор указал на грудь Гратара, – в его сердце. Никогда не обманывай свое сердце.

Гратар посмотрел в глаза императору и вдруг упал на колени, схватил его левую руку и прижался к ней лбом.

– Дядя, – с трудом вытолкнул он слово, чувствуя, как грудь стискивает обруч боли. – Не умирай... пожалуйста!

Ракансор удивленно посмотрел на племянника, дивясь его смелости и откровенности, потом потрепал правой рукой по голове.

– Ну-ну. Я не спешу в края вечного забвения. И еще поживу.

...Ракансор застыл в кресле, подперев голову правой рукой и глядя на роскошный ковер. В зале было тихо, никто не смел нарушить думы императора. Наконец император поднял голову, глубоко вздохнул и обвел взглядом собравшихся.

– Пришло время подумать о будущем, – как-то легко и просто констатировал он. – Мой сын Блемер будет императором. Блемером Первым. Но ему пока одиннадцать лет, и править сам он не может. Его именем будет править императорский регент.

Взгляд Ракансора остановился на Гратаре.

– Далан Гратар! Мэор регент! Его Совершенство!

Согнер с трудом проглотил тяжелый ком, вдруг вставший в горле, и проследил за поднятой рукой императора. Она указывала на замершего в кресле Гратара. Тот был бледен, но спокоен.

– Если я умру... когда я умру, мэор Гратар займет трон и будет править империей до того момента, как Блемер отметит двадцать зим жизни. После чего передаст трон ему. Так я решил! Такова моя воля!

Все разом встали и почти одновременно проговорили:

– Славься империя! Славься император!

Ракансор махнул рукой, приказывая сесть.

– Опекуном моего сына будет Гратар. Согнер останется первым советником, и это решение регент может отменить только через год после... моей смерти. Пока же Гратар будет моим личным советником.

Ракансор смотрел на Согнера, а тот смотрел на императора. Оба выглядели спокойными. Внешне.

– Я не буду брать с вас клятв верности. Вы уже клялись. Я не буду просить или требовать. Я говорю вам – настало время, когда решается судьба империи. И пока вы вместе, она будет жить. Не дайте Скратису погибнуть. Сидите! – Ракансор остановил вскочивших было сановников. – И запомните! Все, что здесь сказано, не должно выйти за стены зала. Это все. Идите. Согнер, ты останешься.

У дверей зала Бескор и Вудеер пропустили Гратара вперед. Тот склонил голову, благодаря, и вышел первым. Ракансор ободрительно посмотрел на них. Советники приняли новый расклад сил, а Гратар помнил о скромности.

Когда все вышли, Ракансор жестом поманил Согнера.

– Ну, доволен?

– Если доволен мэор император, – с поклоном ответил Согнер.

– Без церемоний, Согнер. Ты хотел быть регентом. Я знаю.

– Ваше...

Ракансор стукнул кулаком по подлокотнику.

– Не ври! Яфей, я знаю тебя много лет. Знаю, когда ты врешь и когда юлишь. Знаю, чего ты хочешь, даже если ты молчишь. Ты мог обмануть кого угодно в империи, но только не меня.

Согнер поспешил склонить голову.

– Смотри в глаза!

Согнер не посмел слушаться.

– Яфей! Ты взлетел так высоко, как может взлететь умный и умелый человек. Ты правишь империей вместе со мной. Но не сидишь на троне. Хочешь его получить?

– Никогда, мэор император! – гордо вскинул голову Согнер. – Даже по твоему приказу!

Ракансор прищурился. Согнер хамит, но... говорит правду.

– Твоя власть, твое влияние останутся прежними. Ты даже получишь больше. Ибо молодому регенту будет нужна твоя помощь. И он не заносчивый дурак, о чем ты прекрасно знаешь.

– Знаю, Ваше Богоподобие.

Император усмехнулся.

– Дарую тебе право наедине называть меня просто император и на «ты». До самой моей смерти!

Согнер вдруг тоже усмехнулся.

– Благодарю, император. Гратар – достойный кандидат в правители. Он учился у тебя... и у меня.

– Так помоги ему спасти империю. Сейчас, когда враги нас окружают, когда топчут наши земли. Помогите ему, Яфей. Не ради него. Ради Скратиса. Скратис не заслужил такой участи.

Согнер посмотрел императору в глаза, отметил вернувшуюся на лицо бледность, вдруг встал на колени и склонил голову. Глухо, но внятно произнес:

– Клянусь. До самой моей смерти.

Михаил Кулагин

Этот стон у нас храпом зовется

Самая моя любимая вахта – «собачья». Это когда под утро воешь на луну... мысленно. Спать охота – хоть застрелись. Хорошо, если ходить можно, лицо водичкой обмыть. А кто в лёжке, вот тому хреново. Хоть спички в глаза втыкай, но дрыхнуть не моги.

А вот сегодня «собачье» бдение шло легко. То ли вечером выспался, то ли нервы еще крутят. И свобода передвижения полная. Только ходить неохота. Так что я сидел, гонял всякие мыслишки, пил холодный отвар трав с вином и слушал дружное сопение боевых братьев.

Сопели они за стеной, причем слабенько так. Витька утробно булькал через два вдоха на третий, Артем иногда выдавал руладу, но тут же смолкал. Кайф ему обламывала пригожая девица, спавшая с командиром в обнимку.

Вот девица Витьки, более покладистая, сопела с ним за компанию почти в унисон, но на полтона тише. Зато моя подружка лежала тихо, видела третий сон и добросовестно грела постель. Правда, зря грела, я до подъема не приду, а потом какое лежание?!

Сегодня у нас только Макс спит в гордом одиночестве, а потому в гостиной, совмещенной с кухней. Такая вот несправедливость. Хотя это как посмотреть. Одиночество-то его добровольное. И действительно – гордое!

Ромео наш, радостно-несчастный, отправив вновь приобретенную невесту на базу (оттого и с полным набором противоречивых чувств), решил хранить верность суженой и в сторону девок даже не смотрел. Первые два дня. Что оказалось довольно просто, ибо в эти дни нам как-то не до утех было.

А вот сегодня, как приехали в Бесинду – поселок такой немалых размеров, – так стало Максиму не дуже гарно. Ибо количественный и качественный состав прекрасного пола радовал не только взгляд, а возможность близкого знакомства заставляла предвкушать веселую ночь. Благо, и время для отдыха выискалось.

Так и вышло, что мы втроем выбрали себе подружек, а Макс поскрипел зубами и гордо отказался. Величественный момент торжества самоконтроля портил только взгляд Макса. Не хватало лишь капающей с клыков слюны и тоскливого воя.

Любовь, понимаешь, чуйства и прочая лирика! Честно говоря, его суженая Тинера была вне конкуренции, мы это сразу признали. Но суженая далеко, причем очень. А Макс – вот он здесь, жив, здоров, полон сил и... ничего!

Ну это – как хранить верность прекрасному вину и отвергать кувшин с водой. Хотя жажда мучит. Надо бы утолить... гм, жажду. А низя. Потому как... эх-х!

Артем тогда вполне серьезно сказал:

– Ты реально Ромео из себя не строй! А то свихнешься еще, натворишь чего. Оно нам надо? Сунул-вынул и пошел дальше. Ну?

И это Макс! Который сам нам втирал каждый день! Нет, мир перевернулся! Или мозги у Макса с нарезки сошли. А Артем еще денек-другой посмотрит да велит жениху в приказном порядке снять напряжение при помощи какой-никакой молодки. Шутки шутками, но сейчас нам нервы нужны крепкие. И без случайных срывов.

Черт! Съехал на тему, самого... голод пробрал! Вот они скитания дальние! Чо ж в книгах-то об этом мало пишут? Подвиги, приключения, испытания – полно. А быт и будни – мельком. Люди же, не роботы. Поесть-попить-отлить-пожрать-поспать (с кем-то) – это тоже входит в подвиги. Как бы не большей частью.

И опять за стенкой сопение и даже храп! Мы вообще-то не храпим, отучены. Но иногда пробирает. От усталости или еще от чего. Может, с перепоя? У нас так: днем подвиги героизмуем, вечером водку пьянствуем. Правда, тут водки нет, но разве это помеха?! Эх, весело Новый год начался! Как бы нам его таким макаром весь не провести! Хоть и не верим в приметы.

...Все пошло вскачь еще до того, как мы переправили Тинеру на базу. Бердин на ходу поменял планы и сообщил об этом за два часа до выступления. К тому моменту полк Юглара полностью зачистил Ностах, перебив каторжников и прихватив с собой одного из вожаков этой вольницы.

Вожак был так себе, но пел ровно соловей. Ничего толкового не исполнил – правда, рассказал, что часть каторжников ушла на закат, решив пограбить там. Мол, с ними был некий шустрила, он обещал указать дорогу к Гемерат Тану – области за закатными кордонами империи.

Эти вести вместе с докладом Юглара мы пересказали Бердину. Тот пару минут думал, а потом передал приказ для полка Юглара: занять границу провинций Кум-куаро и Умелен на протяжении тридцати верст. Встать гарнизонами в поселках, выслать к кордону разъезды и бдить строго. Если из Умелена пойдет помощь захваченным провинциям, слать гонцов к Хологату.

Бердина сильно беспокоил левый фланг, почти неприкрытый, а потому уязвимый. И хотя зонды ничего подозрительного не заметили, но наш фюрер подстраховывался.

Еще Юглару вменялось перехватывать всех, кто пересекал кордон, выискивать людей цензоров и приставов, гасить паникерские настроения местного населения, буде такие возникнут, и вообще вести среди этого самого населения просветительскую работу. Конечно, Бердин сказал иначе, но суть такова.

По большому счету, задание не самое страшное. Полк Юглара, хоть и неполного состава, состоял из трех эскадронов и десятка разведчиков. На эскадрон десять верст – совсем немного. Люди в полку проверенные, спаянные делом и кровью. Предать вряд ли кто станет, тем более, после столь успешных походов. Бывшие вояки доминингов и наемники уже поняли, что такое быть в армии победителей, и ни за какие коврижки не перешли бы на другую сторону.

Отряд сержанта Рэмуна уходил с нами. Десяток хордингов Рэмун оставил с Югларом, чтобы те организовали поиск возможных соглядатаев противника в тылу. Парни тертые, сладят. Пока сюда не придут люди Кумашева, натасканные на контрразведывательную работу.

Двадцать опытных, хорошо подготовленных вояк в резерве – это сила. Артем решил использовать их пока в качестве ближней разведки. И как основной ударный кулак при встрече с каторжниками, коих мы планировали... утилизировать. Словечко придумал Витек, нам понравилось. Правда, Рэмун не понял.

Вообще, появление в этих местах целого полка неведомо какого войска, по идее, должно было вызвать массу вопросов у местных. Но... не вызвало. Некому было спрашивать.

Военных нет, усвистали воевать с вооргами. А городские и поселковые власти поверят любой лапше, что навесим им на уши. Тем более, легенда была отменная. Типа вспомогательные охотничьи отряды, созданные для борьбы с шустрилами и нелюдьми (такие и впрямь уже есть) получили приказ охранять от каторжников данный район. Да в поселках еще руки целовать будут! Защитники, спасители! А после Ностаха весть уж точно разойдется. Там, к слову, так людям и говорили – особый отряд охотников. Вырванные из лап смерти жители верили как пророкам.

Словом, разобрались мы с порядком действий, помахали ручкой Юглару и пошли... ах, да, сперва отправили Тинеру на базу. Я этот момент пропустил, но Артем рассказывал – душе-

щипательная была сцена. Девчонка боится, льнет к Макс, тот успокаивает, обещает скорую встречу. А лично прибывший за магом Кумашев от нетерпения пятнами идет.

Проводили! Но Макс часа два глухо молчал и комкал повод. А мы все не верили, что всерьез. Вон оно как вышло...

Но долго вздыхать было некогда. Нас ждали провинция Ошера, префект, а главное – «ковбой», чей сигнал засекали совсем неподалеку. Возможная встреча будоражила и заставляла от нетерпения приплясывать в седле. Впрочем, до встречи еще надо было дожить.

За Трохемом лежали еще два поселка. Один был пуст, второй почти пуст и сожжен. В первом жители, узнавшие о бандах каторжников, рванули прочь, бросив добро. Но каторжники этот поселок обошли стороной. Зато нагрянули во второй.

Здесь хватало молодых мужчин, которые решили своего добра не отдавать. Послали к префекту гонца, а сами сели в осаду. Осады не получилось. Каторжники, которых страх неминуемой кары гнал почище кнута, вступать в долгий бой не стали. Подпустили огня на крайние дома, а ветер перенес его дальше.

Вместо сражения вышла паника, бестолковое метание от двора к двору, забеги к небольшому пруду – источнику воды, который тут вместо колодца, – и попытки отстоять жилища у огня.

Каторжники ударили в разгар тушения, убили несколько человек, потеряли двоих и сами вынуждены были бежать прочь от пламени, толком ничего не взяв. Увели молодую девку, и всё.

Жители борьбу с огнем проиграли и погорельцами двинули за речку к другому поселку, где жили знакомые и родня. Единственный уцелевший дом вместил две семьи, те забаррикадировались и держали осаду. Видимо, от страха вовсе мозги осушило. Приди опять каторжники, спалили бы дом на хрен!

Артем попытался выманить жильцов на беседу, но те сидели молча. Ни уговоры, ни посулы, ни имя префекта не помогали. Артем уже было плюнул и хотел ехать дальше, но Макс, которому вид разоренного поселка напомнил Трохеем, так вдарил ногой по двери, что едва не развалил всю халупу. А потом от мороженым басом пообещал раскатать дом по бревнышку, если хозяева не откроют людям префекта.

Он и так был зол, наш Максик, а тут еще местные молчуны! Второй удар выбил толстую доску. За дверью кто-то пискнул, потом слабый от страха голос проблеял, что сейчас откроют.

Минуты три хозяева разбирали баррикады, после чего медленно отворили дверь, и на порог вышел детина с Артема ростом, с плечами бройлерного культуриста и ручищами аж до колен!

Я и Артем отступили на шаг, готовые к прыжку этого качка, но Макс угрюмо смотрел на него, покачивая в руке фальшион. Видимо, физиономия у него была такая, что хозяин смиренно опустил голову.

– Простите, мэор. Виноваты. Испугались...

– Куда ушли каторжники?

– Да кто ж знает... – Хозяин упорно смотрел на кончик клинка фальшиона, не смея поднять голову.

– Конные или пешие? Повозки были?

Здоровяк вздохнул, пожал плечами и ссутулил плечи еще больше.

– Были или нет?! – рявкнул Макс.

– Одна повозка, – донесся из-за двери звонкий голос. – Ушли за бугор к полуночи. На Лайту.

Из-за спины хозяина высунулась любопытная мордашка пацана лет десяти. Чумазый, вихрастый, глаза живые. Взгляд тоже прикипел к фальшиону, прошелся по доспехам Макса. Мальчишка уважительно округлил глаза.

– А вы, правда, от префекта?

– Мы брантеры!

В этих местах брантеров не было. Но вести о них доходили вместе с путниками, балаганщиками, торговцами. Видимо, слухи раз в двадцать преувеличивали силу и ужас брантеров. Потому как мальчишка аж дышать перестал от восторга.

– На Лайту, – осмелился повторить хозяин, тяжело вздыхая.

Макс плюнул, порывлся в кошеле и достал серебряный шинай. Бросил мальчишке, тот ловко поймал его, посмотрел и опять округлил глаза.

– Благодарствуйте, – промямлил хозяин, рискуя наконец посмотреть на дарителя. – Благодарствуйте, мэор...

– Каторжники не вернутся. Отстраивайте поселок. И своим скажите.

Макс развернулся, вопросительно посмотрел на Артема. Тот покачал головой.

– Поехали, переговорщик.

Артем все косился на Макса, удивленный вспышкой его ярости. Причину-то он знал, но вот факт срыва всегда веселого и уверенного товарища его напряг. Впрочем, скоро настал черед Артема явить нам свой характер.

Парней Рэмуна мы отрядили в дозор, велев не уходить дальше двух верст. А сами пошли напрямую к Лайте. Через час возле опушки небольшого леса у кустарника нашли тело молодой девушки. Без одежды, с распоротым животом и выколотыми глазами. Кровь успела впитаться в землю и подсохнуть на ветках.

– Наигрались, бля... – плюнул под ноги коню Витька. – Точно на Лайту идут.

– Отмороженные ребятки, – кивнул Артем. – Куражатся перед смертью.

– Будем искать? – спросил Витя. – Они где-то недалеко.

Артем отвел взгляд от трупа и покачал головой:

– Только если по ходу. Спецом бегать некогда.

Витька был прав, каторжники далеко уйти не успели. Прискакавший Рэмун доложил, что видел толпу неких бродяг у самой Лайты. Это крохотный поселок на берегу реки, где был хороший широкий брод. Каторжники никак не могли миновать его, если и впрямь шпарили на полуночный закат.

Артем приказал Рэмуну вернуть второй десяток и идти к поселку.

– Будем бить.

– Может, в обход зайти? – предложил Рэмун. – Зажмем и прихлопнем!

– Так другой брод нужен. Где ты его искать станешь?

Сержант вздохнул и пожал плечами. В самом деле, поиск может занять уйму времени.

– Ударим разом... если они еще там.

Они были там. Два десятка головорезов, вооруженных чем попало, оборванных и злых, готовых лить кровь и уничтожить все, что встретят на пути. Каторжники были сильно заняты тем, что превращали Лайту в пустое место. Кроме трех женщин, в живых уже никого не было. Из четырех домов стоял один. Два горели, третий – саманный – наполовину развален.

Награбленное добро поместилось в повозке. Мало было этого добра в поселке. Но если пяток поселков – уже нормально. И в каждом есть, что сжечь, порушить. Есть, с кем позабавиться.

Я еще мельком подумал, что каторжники как роботы выполняют заложенную программу – уничтожать все на пути. Кто же их так запрограммировал?

Занятые любимым делом головорезы наше появление прощелкали. А когда мы вылетели к домам, было поздно. Артем приказал хордингам зайти с двух сторон, дабы не дать никому сбежать. И первым вытащил фальшион.

В общем, делов-то было на две минуты. Мы рубили и кололи, не обращая внимания на слабые попытки изумленных и охваченных ужасом каторжников защититься кольями и топорами. Кто-то рванул к реке, но был перехвачен парнями Рэмуна. Кто-то нырнул в уцелевший дом. Чтобы там найти смерть от рук Макса. Самый смелый схватил оглоблю и закрутил ею перед мордой моего коня. Орал при этом как ошпаренный. Я слетел с седла, обманул каторжника выпадом, сократил дистанцию и рубанул клинком по правой руке. Кисть улетела прочь, оглобля выпала под ноги, каторжник рухнул на колени и взвыл уже от боли.

На свою беду он принял бой неподалеку от горящего дома. В огонь я его и кинул, предварительно угостив зуботычиной. Пламя взметнулось, приняв дар, и поглотило его. Новый крик перешел в хрипение.

Моя идея парням понравилась, и они наладили переправку еще живых каторжников в огонь. Последние из них, видя свою участь, орал уже непрерывно, кое-кто опорожнял кишечник и мочевой пузырь, один даже успел поседеть.

Хординги тоже не отставали. Двоих утопили, двоих подкинули в огонь. Но одного опытный Рэмун прихватил живым. И тут же допросил. Каторжник отвечал споро и откровенно, за что получил милосердный удар ножом.

– Тут еще одна банда, человек тридцать. Двинули к Юмену. И кто-то из них ушел на полночь.

Рэмун махнул рукой в сторону реки, глянул на светило и добавил:

– Дотемна можем успеть.

– Откуда этих уродов столько? – удивился Артем. – Вроде всех перебили, а тут еще тридцать. Так, а где местные дамы?

Местные дамы, коих правильно называть ниярны, были тут, но к беседе явно не готовы. Двух изнасиловали и избили. Третью, молоденькую, не старше четырнадцати лет, оставили на десерт. Поэтому только дали по голове, чтобы не верещала, и сунули в повозку.

Пришлось мне и Максиму немного поработать с жертвами каторжников и привести их хоть в какое-то подобие нормы. На удивление, младшая быстрее всех и пришла в себя. После трех глотков вина перестала икать и осмысленно посмотрела на Артема. А потом заговорила.

Ничего хорошего мы не узнали. На поселок напали каторжники, а с ними и несколько местных, которых она видела на торгу. Эти бродяги работали пастухами, а зимой нанимались погонщиками в караваны. Словом, перекасти-поле, реальные бичи, тратившие выручку на выпивку и доступных девок.

Зверствовали эти парнишки ничуть не меньше каторжников. Они-то, видимо, и рассказали новым друзьям, что и где в округе лучше ограбить.

Вожак банды повел своих к Юмену, где можно было взять верховых лошадей. Но с десяток проходимцев, среди которых была половина местных, откололась и рванула на полночь к другой добыче.

– Там вилла мэонды Эрегии. Она туда приезжает... иногда. – Девушка вдруг стала запинаясь, порозовела. Опустила глазки. – С подругами...

– Там есть охрана? – спросил Артем.

Девушка покачала головой:

– Слуги.

Артем кивнул Рэмуну и отъехал в сторону. Сержант последовал за ним. Наш командир, наверное, хотел выслать хордингов вперед на разведку. Но хватит ли сил у лошадей еще на один рывок? И так уже полдня прокатались.

– Ну-ну, – подбодрил я девушку. – Что там с этой мэондой?

Девушка вздохнула, робко посмотрела на меня и ответила.

Через пару минут я окликнул Артема и Макса.

– Давайте сюда.

– Чего там?

– Интересная история, – глумливо хмыкнул я и покосился на пунцовую как мак девушку.

Парни подъехали ближе.

– Чо за история? Время поджигает.

Я посмотрел на девушку, но она молчала.

– Да фигня! – сказал я. – На этой вилле благородная мэонда Эрегия изволит развлекаться.

Тешит плоть, так сказать. Правда, предпочитает не мужчин, а как раз наоборот, молоденьких красоток.

Макс хмыкнул, пренебрежительно сплюнул.

– Лесбиянка что ль? Тож мне невидаль.

– Ну, это как посмотреть.

Вообще-то в империи извращения, строго говоря, были не в почете. И братство привратников яростно клеймило, и власти не одобряли. Грозил карой за подобные игрища.

Среди простого люда этой гадости, понятно, не было, не до извращенных фантазий земледельцам, скотоводам и прочим. А вот знать иногда баловала себя. Некоторые молодцы и молодницы позволяли непотребство, но втихую, вдали от глаз родичей и властей. За такое могли не только лишиться титула и денег, но и на каторгу отправить. Где любителям всякой мерзости были бы рады старожилы невольничьих острогов.

Наша же драгоценная Эрегия – прелестная дамочка лет тридцати, не замужем и без детей, зато с длинной вереницей славных предков – с юных лет пристрастилась к столь непопулярной забаве. Отец, видимо, знал, но молчал. А Эрегия, не будь полной дурой, свои наклонности не афишировала. Велела построить виллу вдали от отчего дома, куда и приезжала пару раз в круг вместе с милыми подружками и слугами. Там эта компания предавалась разнузданному веселью с оргиями, включая ночные купания в специально вырытом бассейне, окруженном факелами. Конечно, нагишом.

Впрочем, иногда Эрегия, пресытившись прежними подружками, увлекала к себе какую-нибудь молоденькую девушку из местных. Для чего выезжала на торги в соседние поселения, где и устраивала своеобразный кастинг.

В округе знали о предпочтениях благородной дамы и загодя прятали дочек. Хотя Эрегия никого не убивала, а понравившуюся девчонку даже одаривала. Но все равно местные жители щедрю даму не жаловали.

Спасенная нами девушка полгода назад сама едва не угодила в этот вертеп. Одна из подружек Эрегии уже увлекла ее к крытой повозке, но бдительный отец буквально отбил, пригрозив рассказать пристава. Эрегия на угрозу только фыркнула, бросила под ноги отцу медный шинай и беспечно заявила, что видела пристава в таком месте, что и сказать стыдно.

А вот другая молодка из соседнего поселка угодила в капкан и провела на вилле два дня. Потом ее вернули домой. Живую, вроде как здоровую, с парой золотых в руке. Только особой радости та не выказала. И сквозь рыдания сумела промямлить, что ее лишили невинности самым наглым образом, с помощью кожаного предмета, весьма напоминающего мужское естество. Прodelала все это Эрегия, сопроводив дефлорацию долгими ласками и прочими забавами.

Отец несчастной разбогатевшей дочки ничего не добился у пристава. Тот не рискнул начинать тяжбу с влиятельной семьей.

– Вот такое веселье, – закончил я. – Забавница эта мэонда. И если слухи не врут, она держит там прекрасных верховых коней. Верно?

Девушка робко кивнула.

– Говорят, есть...

– Говорят! Наверное, местные и рассказали каторжникам об этом. Если возьмут лошадей, могут уйти.

– Да куда они денутся? – воскликнул Макс. Обернулся и позвал сержанта: – Рэмун, ты где там? Ну чо, Артем, как решаем? Едем к вилле?

Я в этот момент перевел взгляд с девушки на Артема и поразился выражению его лица. Оно было... как бы поточнее. Смесь брезгливости, раздражения и чего-то такого, что напоминало сдерживаемую ярость.

Ну как если бы наш Артем угодил в приличную кучу говна – неясно, как попал и как быстрее очистить ноги... И как потом свернуть шею автору этой кучи.

Он буквально застыл, явно прилагая усилия, чтобы сдержаться, скривил губы и встретил подъехавшего Рэмуна свирепым взглядом. Сержант даже моргнул.

– Сержант! Отряд к выступлению. Скорым маршем к Юмену.

– А вилла? – спросил сержант.

– Идем к Юмену. А эти суки... – Он покосился на девушку, дернул повод коня. – Хер с ними!

Подошел Витя, который осматривал своего скакуна, получившего во время сшибки небольшую царапину. Довольный итогом осмотра и вытирая руки о тряпку, он обвел нас взглядом и спросил:

– Ну как решили?

– Едем, – уже ровным голосом повторил Артем. – Попробуем до ночи достать этих ублюдков. Все готовы? По коням!

Макс и Витя поскакали вперед, а я все смотрел на Артема, дивясь его вспышке. Чего это наш командир вспылил? Какая-то извращенка – не повод тратить нервы. Или тут дело в другом? В чем?

Спрашивать Артема безтолку, да и зачем. Но запомнить надо. Макс уже явил себя, теперь Темка. Наш с Витькой черед? Нервы начинают сдавать, и мы срываемся по пустякам. Это плохо. Но пока терпимо.

Артем заметил мой интерес, покосился, тяжело вздохнул и... промолчал. Ладно, будем считать, проехали. Причем в прямом смысле слова.

До ночи прибыть в Юмен не успели. И хотя дороги в империи на загляденье, но даже по ним уставшие за день кони не донесли нас до цели. Зато донесли до овражка, заросшего местным аналогом сосны. Хординги мигом соорудили пару шалашей, наломали веток для лежаков, развели костер и поставили котлы с гамышом.

Мы растянули кожаную палатку, раскатали сшитые из шкур мехом наружу матрасы и тоже поставили варево – хапашу. И угостили им хордингов. Те блюдо оценили и признали его похожим на гамыш.

Погода благоволила нам. Небо ясное, ветра нет. Морозец легкий, а днем – так и вовсе температура в плюс уйдет. Чем дальше на полночь, тем теплее. Скоро и ночные морозы уйдут. Правда, дороги может развезти.

Я первым был на дежурстве, сел в стороне от костров под деревом, покатав в руке нож и спрятав его в ножны. Метрах в двадцати от меня под другим деревом засел хординг. А у края оврага второй.

Вообще-то мы могли спокойно спать. Хординги бдили по-настоящему рьяно, а уж посланников Трапара сберегли бы наверняка. Но уже стало привычным всегда и везде надеяться только на себя. Это было важно раньше, а уж теперь, когда подступало время развязки и от того нервы гуляли как шальные, следовало быть особенно внимательным к таким деталям и скрупулезно соблюдать порядок. Сейчас каждая мелочь, каждый эпизод могли стать решающими. Как говорили во времена наших прадедов – бдительность, и еще раз бдительность!

Вот так бдительно и сурово я просидел свою вахту, сдал ее Вите и пошел спать. Без задних ног, без снов, кошмаров и прочей эротики.

Михаил Кулагин

А поутру они проснулись...

Это как же, вашу мать, извиняюсь, понимать?!

Не, это не я. В смысле, стишок не мой. И сказанул тоже не я. Артемка выдал. По идее, должен был сказать нечто вроде «етитская сила!» Или как-то рядом. Но выдал стишком.

Повод рывкнуть высоким штилем был. Значительный такой повод. Почти в два десятка рыл. Непроспавшихся, полубухих, местами храпящих и портящих воздух.

Два десятка каторжников устроили ночлежку в низинке, на опушке гая. Место, кстати, неплохое. И ветер не задувает, и издалека не видно. Разожгли два больших костра, пожрали, выпили что было, и легли почивать. Никаких постов, никаких часовых. Просто легли. И дрыхли до самого восхода светила. Хотя куда там! Светило уже взошло, пробило лучами редкие облака и разогнало утренний туман, а эти все храпели.

Обнаружили их хординги, передовой дозор выехал к гаю, заметил слабый дымок от недогоревших бревен, осторожно подошел ближе и... Эти мудаки даже лошадей из повозки не выпрягли. Коняшки в поисках пожевать утянули повозку метров за сто к деревьям.

Дозор поспешил обратно, доложил обстановку Рэмуну и нам. Артем сперва даже не поверил, решил сам глянуть на сонную идиллию. Мы вышли к низинке, заглянули... И тут Артем выдал строчку.

Самое смешное, что до Юмена каторжники не дошли буквально две версты. Поселок был скрыт за холмами, а каторжники в темноте не разобрали. Или спать так хотели, что плюнули на добычу?

Артем оторвался от созерцания сонного царства, растянул губы в едкой ухмылке и подзвал Рэмуна:

– Главарей берем, остальных – под нож.

Рэмун кивнул и поспешил к своим. Спрашивать, кто у каторжников главный, не стал, и так все ясно. Главари числом двое спали на стопках хорошо выделанных шкур, укрытые попонами, неподалеку от костра. Остальные обошлись тряпьем и шкурами поплоче.

Одного из своих сержант отправил за повозкой. Остальных разделил на две части. Большая окружила бивак, меньшая во главе с самим Рэмуном присоединилась к нам.

Артем вытащил нож, показал его сержанту. Тот кивнул и тоже вытащил нож. Следом вся его группа. Идея Артема проста – перерезать каторжников без шума. И быстро.

Мы проверили амуницию, чтобы ничего не звякнуло, и тихонько спустились в низинку. Артем ткнул в меня пальцем и указал на главарей. Мол, мне и ему брать обоих. Макс и Витьке прикрывать и помогать хордингам.

А хордингам помощь особо и не нужна. Я впервые увидел их за работой и не мог не восхититься. Нет, не ими, хотя и было за что. А Бердиным и его командой. Как они смогли за довольно короткий срок подготовить столько отменных воинов?! Вот что значит правильная методика и высокий уровень преподавания! Даже завидно, чесс-слово.

Хординги скользили среди спящих как привидения – бесшумно и быстро. Левая рука накрывает-бьет по рту каторжника, правая всаживает нож в сердце. Каторжники успевали выскочить из объятий сна буквально на мгновение и тут же опять уходили в забытие. Вечное. Как в одном старом фильме: мертвые с косами стоят, и тишина! Тут никаких кос, и мертвые лежат, но тишина полная.

Макс и Витек по пути к главарям тоже успели нескольких «героев» прирезать. А мы с Артемом добрались до главарей, без затей оглушили их ударами в лоб и спеленали. Когда захват был закончен, хординги дорезали последних каторжан.

Все, финита! Завтрак для ворон готов. Хотя тут их зовут иначе, но пировать на трупах они любят не меньше наших.

Допрос пленников прошел... словом, как надо. Изумленные донельзя, перепуганные до икотки главари сперва вообще только мычали. Мычание сменилось воем, когда им показали тела сообщников. А потом показали огонь и раскаленное лезвие топора. Не будучи полными идиотами, они поняли, для кого сей презент.

Правда, один – постарше и понаглее – решил поиграть в партизана-героя. Доигрался до подпаленных пяток, охрип от визга и ора и вспомнил, что он вообще-то скотовод. В далеком прошлом. И выдал, что знал. По сути – ничего. Так, некоторые детали побега, подробности их победного марша по окрестностям и планы на будущее – слинять подальше от империи.

Вторым был вожак помоложе. И харя его хитрованная, и бегающие глазки, и словечки говорили, что перед нами преступник со стажем. Скотоводом точно не был. Как и земледельцем, рыбаком, лесорубом и прочим трудовым элементом.

Артем его сразу вычислил, потому и начал с подельника. Показал, что будет и насколько больно.

Намек молодой вожак понял, особенно когда я, демонстрируя добрую улыбку, стянул с него рваные портки и пообещал начать допрос с главной драгоценности. Сия драгоценность хоть и была сдутой от холода и страха, но свое значение не утратила. А пинок по таким же скукоженным причиндалам показал, насколько я серьезен.

Сперва вожак, обзываемый Мелук (мышонок), повторил рассказ коллеги, добавив несколько эпизодов. Но Артему было мало. И нам тоже. Неправильно вел себя это «мышонок», слишком частил и упирал на детали.

В дело вступил топор. Узрев возле причиндалов раскаленное железо, Мелук вдруг явил вместо охрипшего тенора мелодичный дискант и заговорил по делу. И чем больше он говорил, тем сильнее отвисали у нас челюсти.

Нет, бывает в жизни «ни фига себе», но такого мы раньше не слышали.

...Мелкая «шестерка» в воровской ватаге вместе с самой ватагой влипла на очередном деле и угодила в места столь же неотдаленные, сколь малополезные для здоровья.

На каторге эта «шестерка» (Мелук – если вдруг не ясно) продолжала пахать на вожака, но уже в ранге «подай-принеси-отвали». Круг назад партию каторжан вдруг решено было отправить в другую провинцию, где вроде как запустили новые каменоломни. В эту партию угодила вся бывшая ватага. Как-то ночью на этапе Мелук стал невольным свидетелем беседы своего вожака и некоего типа, закутанного в плащ.

Разговор сей оказался настолько интересным, что Мелук решил дослушать его до конца. Собеседник вожака дал понять, что все идет по плану и вскоре их доставят на каменоломни. Где после октана-другого следует поднять бунт, а потом совершить побег. Что и как делать – вожак знает. Задача – делать это как можно громче. И кровавее!

Вожак невозмутимо заверил собеседника, что все будет как надо, лишь бы с обещанным не обманули. И тут собеседник ляпнул: мол, за это не волнуйся, получишь сполна. И даже больше. А потом вдруг захихикал и добавил: «В столице готовы платить золотом за каждую снесенную голову. И за каждую оттраханную бабу!»

Поняв, что услышал явно лишнее, не предназначенное для чужих ушей, Мелук по-быстрому слинял с места переговоров. Но сказанное запомнил.

Когда каторжане подняли бунт и перебили охрану, именно вожак их ватаги провозгласил основную цель – Ностах. Мол, туда надо идти, там золото, вино и бабы. А потом все рванем на закат, нас там ждут.

Кто ждет, почему, откуда в Ностахе такое изобилие – в голову никому не пришло. Клич поддержали несколько авторитетных каторжников, среди которых каким-то образом оказались бывшие военные. Несогласных быстро заткнули, после чего огромная орава каторжников двинула к цели.

Несколько групп под шумок успели слинять. Но остальных вожаки держали под присмотром. Причем грозили оторвать головы любому, кто посмеет даже подумывать о побеге.

По пути к Ностаху миновали несколько поселков, где потешились вволю. Во время одного из таких налетов ставший внезапно для себя правой рукой вожака Мелук, хватанув вина больше, чем надо, неудачно намекнул о цели пути и цене, которую некто готов заплатить за эту цель.

Вожак сперва пропустил пьяный треп, но потом стал смотреть на помощника таким взглядом, что разом протрезвевший Мелук понял – до Ностаха он не дойдет никоим образом.

А дальше было просто. Мелук знал самых недовольных в ватаге. Подговорить их оказалось делом несложным. В побег ушло тридцать с лишним человек. Часть рванули куда глаза глядят, часть пошли с Мелуком.

Он надеялся, что сможет уйти подальше от каторги и вместе с двумя-тремя верными людьми добраться до кордона. Для этого были нужны деньги и лошади. Потому банда и шла в Юмен. Там каторжники нашли бы все, что нужно. Вот такая история...

Тут есть над чем поломать головы. После Ностаха стало ясно, что бунт – дело рук отнюдь не каторжников. Но вот упоминание важных людей из столицы заставило напрячь мозги. Кому и зачем нужен бунт? Почему именно Ностах? Зачем потом идти на закат? И так далее.

Артем переваривал услышанное минут пять, потом покрутил головой и отошел в сторону, кивнув мне на пленника. Ладно, мне так мне...

Я сказал Рэмуну, чтобы тот выставил охрану и еще раз проверил трупы, а сам зашел за спину Мелуку и коротким ударом всадил клинок ножа в сердце. Каторжник даже не успел испугаться.

– Кучно лежат, – заметил Витя, обводя взглядом трупы. – Но зарывать неохота.

– Без нас зароят, – откликнулся Макс. – Делать больше нечего.

Он успел вляпаться левой рукой в кровь и теперь брезгливо вытирал ее тряпкой.

Я оглянулся на Артема. Тот отошел подальше и достал коммуникатор. Бердину, видимо, докладывает. Какие-никакие, а вести. Начальству надо знать.

Через десять минут Артем вернулся к нам, влез на коня, почему-то вздохнул и сказал:

– В Юмен. Пополним запасы и маршем к Берно. Судя по всему, «ковбой» там.

Я почувствовал, как по спине прокатились мурашки, а в груди стало холодно и пусто. Вот оно! Главная цель операции! Судя по лицам парней, у тех были схожие чувства. Неужто скоро увидим неуловимых доселе врагов?!

Бердин Чудный аромат политики

Сообщение от Орешкина пришло за час до встречи с Якушевым. Я ждал Андрея с утра, но тот сдвинул время прибытия из-за каких-то проблем в тылах корпуса «Закат». Плюс-минус час роли не играет. Я вывел на экран монитора карту империи, отошел к стене и стал рассматривать картинку издали.

Итак, бунт на каменоломнях Навнира, организованный, как передает Орешкин, кем-то в столице. Кто способен на такой ход? Вернее, кто рискнет? Ясно, что не чиновники средней руки типа шефа цензорской службы Хофра и не руководители на местах вроде префекта Ошеры Никамера. Тут как бы не сам Согнер, тень императора и его вторая голова. Но зачем? С какой целью?

Одно точно – все эти игры планировались до вторжения вооргов и уж тем более, до появления хордингов. Какие-то внутренние заморочки Скратиса, битва за место у трона или, наоборот – за провинции. Гадать нет смысла, никаких исходных данных и ноль информации по императорскому дворцу.

Черт, как же не хватает достоверных сведений из Скраты! Агенты Кумашева еще не начали работу, да и возможности у них небольшие. Тут нужны связи иного уровня. Очень хорошо, что в наших руках префект Даббан. Но наладить контакт с его родней и знакомыми в империи – дело не одного дня. И связи с факторумом магиков пока нет. Ничего нет! Только догадки, версии, мнения. Цена им – грош. Вернее – медный обол. Такой вот расклад!

Я выложил прибывшему Якушеву свои умозаключения и спросил, что думает он. Андрей долго смотрел на карту, потом пожал плечами и честно ответил:

– Хер его знает! Дворцовые интриги, политика! Мы со всего разгона врезаемся в нее.

Сам же говорил.

– Говорил. Чую, этой политики мы скоро нажремся по самое некуда!

– А контакт с императором? Ты же хотел начать переговоры.

– Только не сейчас.

– Чего ждем? – деловито осведомился Андрей. – Пока корпуса не пройдут дальше?

– Это тоже. Я жду удара.

– С какой стороны?

Я тронул джойстик и укрупнил масштаб карты. Теперь на мониторе были только четыре закатные провинции.

– Либо диктатор Пектофраг нанесет удар из Бамареана...

– Если найдет силы, не скованные вооргами.

– Да. Либо корпуса встретят противника уже в Корше и Ошере. Веш-Амский легион и то, что соберут в провинциях. Может, что-то еще подойдет с юга... с полуночи.

Андрей ткнул пальцем в экран.

– А почему не из Умелена?

– Тоже вариант. Но недавний рейд Юглар наворачивает притормозит прыть империи. Они еще от разрушения Верлета и Сарцета не отошли.

– Да, Юглар постарался! – задумчиво протянул Андрей. – Но это их не остановит.

– Это заставит прикрыть кордоны Умелена и Лабервета. Так что самые вероятные направления – из Бамареана в тыл или в лоб корпусам.

– Ты хочешь дать урок?! – догадался Андрей.

– Хочу. Как можно более шумный. Очевидный. Чтобы до последнего идиота в столице дошло – их армия бессильна!

Андрей усмехнулся:

– Ну, это не совсем так.

– Да. Однако после сражения они станут так считать. Должны. Потому как от границы Ошеры до столицы меньше трехсот верст. И если хординги дошли до Ошеры, то уж до Скрата дотопают точно!

Андрей надул щеки, покачался с пяток на носки, прищурил глаза – типа размышлял, – потом с важным видом кивнул.

– Классный ход. И император сразу...

– Не сразу. И не император. Хотя бы Согнер. Даже лучше, чтобы Согнер. Если Даббан не соврал, этот тип там прима-кавалер. Во всяком случае, его мнение идет первым. Император – и тот сперва слушает Согнера, потом говорит сам.

– Значит, нам искать подходы к советнику императора в первую очередь?

– Значит, – кивнул я. – Но не только к нему. При дворе есть и партия противников Согнера. Они тоже сгодятся. И есть большой император, которому приходится вести свою игру.

Андрей повел плечами, нарочито тяжело вздохнул.

– Черт! От этой политики у меня голова трещит!

– Уже пробовал? – усмехнулся я.

– Чего пробовал?

– Политику.

– Да ну ты! – хмыкнул Андрей. – Не смешно.

– Не смешно. Особенно если вспомнить, что ни у кого из нас нет опыта политических интриг и закулисных сговоров в условиях военного времени.

– А Денис?

– А Денис, типа, такой политик? Он едва от Москвы отбивается и Комитет перестраивает. Ты хочешь ему еще головной боли добавить? Вообще-то Асалентае на нас. Ты, я, Женька. Все!

– Может, Москву попросить? – скривился Андрей. – Вот уж там политиков как собак Недорезанных.

– Ага. Они тебе тут нарулят. Такого навалят, век это дерьмо не раскидаешь! Если нужно запороть дело – попроси помощь наших политиканов. Тьфу! – Я вполне натурально плюнул, растер подошвой и сложил руки на груди.

Андрей насмешливо посмотрел на меня, скорчил физиономию.

– Командор в плохом настроении.

Я молчал.

– Значит, сами?

– Ты становишься куратором обоих корпусов.

– А...

– Присматриваешь за Хологатом и Вьердом.

– Да они уже сами с усами. Работают четко.

– Согласен. Но приглядеть надо.

Оба командира корпусов и впрямь прониклись делом и последнее время работают без подсказок. Более того, почти все решения тактического и оперативного уровня принимают сами. И обстановку видят, и оценивают безошибочно. Теорию молниеносной войны освоили и теперь находят простые и точные решения без нашего вмешательства.

По большому счету, мы им нужны только в роли посланников Трапара, которые морально поддерживают и направляют. Эдакие комиссары, поставленные свыше.

– Перестаем водить их за руку, пусть топают сами.

– А я курирую, – уточнил Андрей.

– Да.

– А ты?

- А я на Канары! На месяц!
- С девками? – Андрей нарочито испуганно округлил глаза. – О! Пардон! Конечно, с семьей! На Канары! Или Мальдивы!
- Что-то ты веселый слишком, – подозрительно посмотрел я на Якушева. – Часом, не того? Не сто грамм перед пол-литра?
- Зачим абижаищ? Какой сто грамм?! Сухой, как лист. – Андрей спрятал улыбку и вполне серьезно на меня посмотрел: – А правда, ты чего задумал?
- Готовить операцию по захвату «ковбоев». И уделить немного внимания Аллере.
- Сам теперь будешь политиком?
- Ну ты же не хочешь.
- Ни под каким видом! – передернул плечами Андрей. – В солдатики поиграть – куда ни шло. А в...
- В дерьме копать – корона слетит, – закончил я за него.
- Кстати, – сменил тему Андрей. – Что там с резервами? Хоть какие-то есть? Я нахмурился. Андрей затронул болезную тему.

Резервов как таковых не было. Вообще. Последний резервный полк, раздерганный на роты и даже на десятки, исполнял роль частей по охране тыла, формально прикрывал кордоны Кум-куаро с Бамареаном (именно что формально) и служил средством силовой поддержки тыловых служб.

О новом наборе среди хордингов я даже не заикался. Некого было брать. Все мужчины от шестнадцати до сорока лет задействованы. Кто в промысле, кто в сельском хозяйстве, а многие в промышленности, которую мы поспешно строили на пустом месте.

Будущие рабочие, техники, инженеры, начальники сейчас сидели за партами и с выпученными от изумления глазами осваивали новые специальности. У кого голова не лопнет от переизбытка впечатлений, станут профессионалами. А у кого не выдержит... все равно станут. Куда они денутся?

Тем не менее резервы были нужны. Срочно! И я еще до вторжения в империю отдал приказ начать отбор и подготовку выходцев из доминингов. Брать велел добровольцев не старше двадцати пяти лет. Желательно охотников, рыболовов. Ну и земледельцев, конечно. Всех мастеровых планировал тоже отправить на учебу.

Думал набрать хотя бы два полка и подготовить их по ускоренной программе. Аллера, который и отвечал за это дело, обещал набрать пять полков. Но я попросил его не спешить и ограничить набор. Потом, если все пойдет как надо, завербуем еще.

Правда, ждать эти полки можно не ранее чем через три месяца. То бишь – три круга.

- Это, мягко говоря, долго, – сказал Андрей.
- И не мягко – тоже. Но другого выхода нет.
- А как же тогда? – озадаченно спросил Андрей. – Если империя и впрямь ударит с двух-трех направлений? Мы просто не успеем среагировать. И потом еще плюс две провинции... это как левый фланг растянется! – Андрей подошел к компьютеру и озадаченно уставился в монитор. – Чо делать-то будем?
- Огнестрельное оружие, – ответил я.
- О-о! Эх, комроты, даешь пулеметы!.. – пропел Андрей.
- Никаких пулеметов, – недовольно проворчал я.
- А жаль! И РСЗО! И танки! И...
- Уймись, мечтатель! Обойдемся пушками и ручным оружием.
- Каким? Фитильные пищали?

– Подумаю.

– А ничего, что тут еще до пороха пару веков? Как минимум? – Андрей сменил тон с игривого на серьезный. – Или нам уже пофиг вьюга?

– Нам надо победить без большой крови. И быстро! А потом все это удержать! Так что пофиг – не пофиг, а пушки будут!

– И тачанки...

– И тачанки. Без пулеметов.

Андрей грустно посмотрел на меня и вполне откровенно сказал:

– Чего-то мне домой захотелось.

Я хлопнул Якушева по плечу и проникновенно произнес:

– Подожди немного, отдохнешь и ты!..

Огорчив дорогого гостя новостями и вводными, я решил компенсировать это вкусным обедом. И сам поест, потому как завтрака сегодня вообще не было. Но по закону подлости нас прервали в самом начале. Явился посыльный и передал записку от Аллеры. Князь сообщал, что к нему прибыло послание от вооргов.

Верховный князь Стам Адес сообщал, что дела армии идут не очень-то хорошо. Имперские легионы попытались перекрыть кордоны провинции и отсечь доблестные войска вооргов от Загназака. К тому же к противнику прибыло подкрепление и успело отбить несколько ранее занятых городов.

Воорги начали отходить к кордонам, периодически проводя контрудары и раздвигая силы врага на части. Однако в целом обстановка становилась угрожающей.

Стам Адес прямо не говорил, что вторжение провалилось, но намекал на будущие сложности. И спрашивал князя хордингов, как у него дела и могут ли хординги отвлечь на себя часть сил империи.

В конце послания Адес написал о попытке империи начать переговоры.

– Империя проснулась... – констатировал Андрей. – Начинает воевать всерьез.

– Они всегда воюют всерьез. Иначе не умеют.

Я бросил на стол лист бересты, побарабанил пальцами по столешнице.

Воорги подошли к пределу своих возможностей. Держать фронт против трех-четырех легионов им не под силу. Даже имея лучшую конницу и вооружение. Задавят числом. И реально перекроют кордоны, даже с большими потерями.

В общем-то, воорги свою роль исполнили. Отвлекли внимание, притянули большие силы врага. Но прекращать вторжение нельзя. Иначе легионы сообщат ударят нам во фланг. А значит...

Надо сегодня же навестить Аллеру и поговорить обо всем сразу. А вооргам ответим просто.

– Дай угадаю, – нарушил ход моих мыслей Андрей. – Отойти к кордонам, держать города, наносить удары и не давать себя окружить. Так?

– И продержаться еще пару октанов, – добавил я. – Потом натиск империи ослабнет.

– А если станет тяжело – отступить. И готовить силы для нового удара.

Я смерил Андрея внимательным взглядом. Ну вот, инструктор Якушев вырос в хорошего стратега... средневекового уровня. Пока. А там глядишь, и с иными эпохами разберется.

– Давай все же поедим, – предложил я. – Мне потом к Аллере, а ты принимай дела и руководи операцией.

– Есть руками водить! – отчеканил Андрей и потер живот. – А жрать правда хочется. Мяса и побольше! И стопарик... – Он перехватил мой взгляд и развел руками: – Заслужил ведь! И новую должность обмыть не мешало бы.

– Уговорил. Кстати, в империи неплохие вина.

...Князь Аллера выглядел паршиво. Бледный, осунувшийся, с покрасневшими глазами и потухшим взглядом. Он явно с трудом стоял на ногах и, похоже, больше всего хотел спать.

Мое появление не вызвало особых эмоций. От былых восторженных славословий не осталось и следа. Аллера коротко кивнул и жестом указал на стул.

Частые встречи, долгие беседы, а главное – необъятный фронт работ повыбили из него, да и из других хордингов склонность к излишнему почитанию «посланников Трапара». Нет, нас боготворили по-прежнему. Но как-то... приземленно, что ли. Без пафоса.

Я окинул князя пристальным взглядом и вместо приветствия сказал:

– Трапар горд своим народом. И его князем. Но он требует, чтобы князь спал хотя бы пять шагов Асалена в сутки. А лучше шесть.

По-нашему это шесть-семь часов. Аллера, надо думать, не спал и пяти.

Князь сдержанно улыбнулся. Совсем невесело. Склонил голову.

– Я принимаю волю Трапара. Как только будет время...

– Никаких «будет», Аллера, – вполне серьезно ответил я. – Хордингам нужен князь, а не его бледная тень. Дел всегда много. Надо уметь решать их не в ущерб здоровью. Это приказ. – Я глянул наверх, намекая, откуда пришел приказ.

Аллера опять склонил голову. Вдруг хмыкнул.

– Два дня назад мы с Мивусом заснули за столом. Храпели прямо на картах.

– Вот еще один трудоголик!

Аллера не понял выражения.

– Любитель много работать, – пояснил я. – Без перерыва. Как, кстати, Мивус?

– Без него как без рук, – признался Аллера, вспомнив услышанную от меня фразу. – Если бы не он, домининги... точнее, Ингалленат мы бы не освоили.

– А вы освоили?

– Почти.

Почти... Это не только открытие угольных и железных рудников, не только кузнечные цеха, но и единая система сбора налогов, единая система управления, внутренняя стража, набранная из местных.

И охотники теперь не сами по себе зверя добывают, а по плану. И рыбаки по плану. И скотоводство, и мастеровые... Новая власть все учла, все расписала и всем выдала задания. Словом, как у классика – контроль и учет.

Кроме того, в новой провинции подготовлены тыловые армейские базы, куда свозят припасы. И что важно, караваны идут по новым дорогам. Пока что грунтовыми. Но скоро в строй пустят первые выложенные тесаными каменными плитами. Пусть их немного, зато первый шаг.

– Это вы молодцы! – похвалил я. – Но отдыхать все равно надо.

Аллера развел руками и опустил голову, маскируя зевок.

– Кстати, мы планируем набрать здесь тысячи полторы – две народу. Для военного обучения.

Аллера вздохнул:

– Мало сил, да?

– Пока хватает. Но нужны будут еще. Когда мы дойдем до ваших земель.

Князь помолчал, что-то прикидывая. Достал шивку берестяных листков.

– Людей мы переписали. Две тысячи, думаю, наберем. Но это лучше с Мивусом поговорить.

– Поговорим. Кроме того, надо подыскать удобное место для новых мастерских. На берегу реки лучше.

- Что за мастерские?
- Будем лить пушки.
- Что лить? – не понял Аллера.

Я засмеялся.

– Увидишь. Наши... мастера скоро придут. И те, кого они отобрали для обучения. Только, князь! Дело это секретное, весьма! Так что и стражу надо набрать, и местных предупредить. А лучше отселить.

- А полки новые где размещать?
- На ваше с Мивусом усмотрение. Может, в степи, может – здесь.
- Значит, еще одна стройка, – понял Аллера. – Где столько людей взять?
- С этим поможем. Пришлем из империи сотни две-три плотников, камнетесов, строителей.

– А они поедут? – высказал сомнение князь.

– А куда они денутся?

Аллера кивнул, вновь подавил зевок, виновато посмотрел на меня. Я сделал вид, что не заметил.

– Решим. И встретим, – заверил Аллера.

– Отлично. Тогда до встречи. И, князь...

Аллера вскинул голову.

– Стоит отдохнуть прямо сейчас. Не то до ночи свалишься.

Не дожидаясь ответа, я вышел из комнаты. Хрен он будет отдыхать! Аллера считает себя двужильным. Не без оснований. Но усталость и двужильных валит.

Новых инструкторов я все же нашел. Первый – Виталий Ремез, прапорщик запаса, его группу я выпускал лет семь назад. Ремез успел побывать в разных местах, нюхнуть порохи и обучить сотню человек.

Он сам вышел на меня, чтобы подтвердить инструкторский сертификат. Я отложил тестирование, зато уговорил его пойти к нам. С помощью Щеглова, который сейчас занят расширением Комитета.

Виталий думал недолго, прошел собеседование у Щеглова и подписал контракт. Правда, глаза у него были при этом как блюдца. Еще бы, в один день узнать и о других мирах, и о возможности туда переходить. Ничего, привыкнет.

Второго инструктора прислал отец. Помнил мою просьбу. Отрывать ближних помощников от дела не стал, но отыскал кого-то из старых учеников.

Аркадий Хлунов. Сорок лет. Наемник, провоевавший полжизни. А некогда офицер воздушно-десантных войск, ушедший из армии после ранения.

И что весьма кстати – любитель игр «Фантазия», консультант одной из команд. Хорошо знаком с холодным оружием и вообще много знает о прежних эпохах.

Как его уговорил отец, я не знаю. Но при встрече Хлунов не округлял глаза, не рвался немедленно увидеть другой мир – был спокоен и невозмутим. Характер точно нордический. И никакого высокомерия, иногда свойственного старшим по возрасту.

Хлунов внимательно прочитал контракт, уточнил характер работы и сказал «да».

Его я и поставил главным в новом тренировочном лагере. А Ремеза заместителем. В качестве помощников определил тех воинов из армии хордингов, что получили ранения, но сохранили боеспособность. Конечно, отобрал лучших.

Вопрос с подготовкой резервов был решен. Будет решен и вопрос с постройкой пушечных цехов и подготовкой расчетов. А также с цехами по литью ядер, изготовлению пороха. Еще построят цеха для производства ручного огнестрельного оружия. Это оружие первыми как раз и опробуют новые полки.

Все оно хорошо, даже замечательно. Вот только думал я больше не о тыловых заботах и даже не о подготовке армии. А о том, что группа Орешкина скоро может пересечься с кем-то из «ковбоев». И к этой встрече надо быть готовыми не только поисковикам, но и мне. И всему Комитету. Вот в чем фикус...

Тяжкие думы немного развеял поздний звонок Темникова. Он торопливо поздоровался и радостно прогудел:

– Магик Каут пришел в себя. Состояние стабильное, сознание ясное. Я попросил прибыть Тинеру, она поможет ему.

– Это здорово! – обрадовался я. – Пусть Елисейев подключится, надо как можно быстрее наладить контакт. Держите меня в курсе дела.

– Обязательно, – пообещал Темников. – Сами придете?

– Как только, так сразу, – честно ответил я.

Темников не отреагировал на шутку, словно ждал такого ответа. Уже спокойнее пожелал доброй ночи и завершил связь.

– Если бы добрая, – вслух помечтал я и опять переключился на насущные дела.

Так что там у поисковиков?..

Часть 2

Навстречу всему хорошему и не очень

Михаил Кулагин

Этой ярмарки краски...

Солнышко, именуемое тут светилом, вошло довольно поздно, как и положено зимой. И народ в поселке поднялся поздно. Кроме тех, кому по работе надо. Всякие там пекари, повара и прочие.

И парни встали не сразу. Кто-то успел приласкать подружку (не будем показывать пальцем на Артемку), кто-то ограничился поцелуем, а кто-то похлопал девицу по сочным ягодицам (ладно, это я). Только Макс хлопал глазами и зевал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.